

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru

ISSN: 2542-128X

№4(111)

**НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ,
И ФИЛОСОФИЯ**

МОСКВА, 2026

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ**

*Сборник статей по материалам CXI международной
научно-практической конференции*

№ 4 (111)
Апрель 2026 г.

Издается с ноября 2016 года

Москва
2026

УДК 1/14+31/34+93/94

ББК 6+87

НЗ4

Председатель редакционной коллегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Бахарева Ольга Александровна – канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Россия, г. Саратов;

Нестеренко Алена Юрьевна – кандидат культурологии, эксперт Управления академической экспертизы НИУ ВШЭ;

Попова Ирина Викторовна – д-р социол. наук, проф. кафедры истории России Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Россия, г. Кострома.

НЗ4 Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия: сб. ст. по материалам СХІ междунар. науч.-практ. конф. – № 4 (111). – М.: Изд. «МЦНО», 2026. – 96 с.

ISSN 2542-128X

Статьи, принятые к публикации, размещаются на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

ББК 6+87

ISSN 2542-128X

© «МЦНО», 2026

Оглавление	
Раздел 1. Политология	5
1.1. Политические институты, процессы и технологии	5
КОМПЕТЕНТНОСТНАЯ МОДЕЛЬ ПОДГОТОВКИ ВОЕННЫХ КАДРОВ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОБО-РОННЫМ ЗАКАЗОМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОР-МАЦИИ Князьнеделин Радислав Алексеевич	5
1.2. Теория и философия политики, история и методология политической науки	14
РОЛЬ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ В РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ Набока Даниил Юрьевич Каун Сергей Борисович	14
Раздел 2. Философия	25
2.1. История философии	25
БОГ, ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК КАК ГЛАВНЫЕ КАТЕГОРИИ ФИЛОСОФИИ ВСЕЕДИНСТВА В.С. СОЛОВЬЕВА Беляев Николай Васильевич	25
Раздел 3. Юриспруденция	34
3.1. Административное право; административный процесс	34
МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ – ПРИЗНАВАЕМАЯ И ГАРАНТИРУЕМАЯ КОНСТИТУЦИЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ФОРМА САМООРГАНИЗАЦИИ ГРАЖДАН Скопинцев Сергей Валерьевич	34
3.2. Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право	40
МАРКЕТПЛЕЙС КАК КОНТРОЛЕР: ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАКОНА О ПЛАТФОРМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ Баева Александра Александровна Горячева Елена Васильевна	40

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НЕКОТОРЫХ КОНСТРУКЦИЙ НАЛОГОВОГО И ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА Гасанов Рамиль Ибрагимович	48
ПРОБЛЕМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ СМАРТ- КОНТРАКТОВ В ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ РОССИИ Коротченко Денис Андреевич Горячева Елена Васильевна	53
ПОНЯТИЕ ИНСТИТУТА ПРАВ РЕБЕНКА И ЕГО МЕСТО В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ Федяков Иван Александрович	61
3.3. Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право	69
СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ Дегтерев Михаил Сергеевич	69
3.4. Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве	74
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОПТИМИЗАЦИИ ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ КАК УСЛОВИЯ РОСТА УРОВНЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА Егоров Валентин Владиславович	74
3.5. Уголовное право и криминология; уголовноисполнительное право	80
УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ Голубярова Кристина Анатольевна Вестов Федор Александрович	80
3.6. Финансовое право; налоговое право; бюджетное право	89
АДАПТАЦИЯ ИНИЦИАТИВ «PILLAR» В РОССИЙСКОМ ПЕРИМЕТРЕ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ Чикирка Екатерина Владимировна	89

РАЗДЕЛ 1.

ПОЛИТОЛОГИЯ

1.1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

КОМПЕТЕНТНОСТНАЯ МОДЕЛЬ ПОДГОТОВКИ ВОЕННЫХ КАДРОВ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОБОРОННЫМ ЗАКАЗОМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Князьнеделин Радислав Алексеевич

*д-р экон. наук, главный научный сотрудник,
ФГБУ «33 ЦНИИИИ» Минобороны России,
РФ, г. Вольск-18*

COMPETENCY MODEL FOR MILITARY PERSONNEL TRAINING IN STATE DEFENSE ORDER MANAGEMENT UNDER DIGITAL TRANSFORMATION

Knyazhnedelin Radislav Alekseevich

*Doctor of Economics, Chief Researcher,
Federal State Budgetary Institution
"33 Central Research Testing Institute"
of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Russia, Volsk-18*

Аннотация. Статья посвящена разработке компетентностной модели подготовки военных кадров для управления государственным оборонным заказом (ГОЗ) в условиях цифровой трансформации и санкционного давления. Предложено компетентностное ядро из восьми компетенций, интегрированное в трёхуровневую образовательную систему.

Разработан композитный индекс операционной эффективности (КИОЭ).

Abstract. The article develops a competency model for training military personnel in state defense order (SDO) management under digital transformation and sanctions pressure. A competency core of eight competencies integrated into a three-level educational system is proposed. A composite operational efficiency index (COEI) is developed.

Ключевые слова: 275-ФЗ, военное образование, государственный оборонный заказ, компетентностная модель, контрактная служба, оборонно-промышленный комплекс, подготовка кадров, цифровая трансформация.

Keywords: 275-FZ, competency model, contract service, defense industry, digital transformation, military education, personnel training, state defense order.

1. Диагностика кадрового контура ГОЗ: проблемы и международный опыт

Государственный оборонный заказ представляет собой ключевой инструмент реализации военно-политического курса Российской Федерации. Объём оборонного бюджета на 2025 год составляет 13 490,9 млрд рублей (32,5 % федерального бюджета, 6,3 % ВВП, на 2026 год – 16 840 млрд рублей (38% федерального бюджета)) [10], что предъявляет беспрецедентные требования к качеству управления выделяемыми ресурсами. Вместе с тем эффективность системы ГОЗ определяется не только объёмом финансирования и нормативной базой, но и профессиональными компетенциями специалистов, осуществляющих управление оборонными закупками на всех уровнях – от контрактных служб воинских частей до аналитических подразделений Военно-промышленной комиссии при Президенте Российской Федерации (ВПК).

Актуальность исследуемой проблематики обусловлена критическим разрывом между требованиями к специалистам по управлению ГОЗ в условиях цифровой трансформации и санкционного давления и реальным уровнем их подготовки. Количественный дефицит специалистов контрактных служб МО РФ составляет около 35–40 % от штатной численности. Качественное измерение проблемы ещё более существенно: действующие программы повышения квалификации (108–260 академических часов) ориентированы на гражданскую контрактную систему и не включают специфические компетенции оборонных закупок – раздельный учёт, военную приёмку, режим секретности, управление кооперационными цепочками ОПК. Профессиональный стандарт

«Специалист в сфере закупок» (приказ Минтруда от 10.09.2015 № 625н) [6] предназначен для гражданской контрактной системы и не содержит квалификационных требований, адекватных специфике оборонных закупок.

Оборонно-промышленный комплекс насчитывает около 3,5 миллиона занятых, при этом кадровый дефицит является одним из наиболее острых системных ограничений отрасли. Генеральный директор концерна «Калашников» А. Лушников в январе 2026 года публично заявил о нехватке квалифицированных кадров на всех предприятиях российского ОПК, подчеркнув необходимость создания собственной системы подготовки [3]. Показатель E8 модели многоуровневой военно-политической эффективности (далее- МВЭ-модели) (кадровая обеспеченность), текущее значение которого составляет 0,60–0,65 при пороговом $E8_{min} = 0,75$, свидетельствует о том, что система ГОЗ функционирует ниже минимально допустимого уровня. Мобилизационная эластичность кадрового фактора составляет 1,42: прирост кадровой обеспеченности на 1% генерирует прирост интегральной эффективности на 1,42%. Данное соотношение делает инвестиции в кадровый потенциал наиболее результативным направлением совершенствования ГОЗ в долгосрочной перспективе. Международный опыт представляет значительный методологический интерес. Университет оборонных закупок (Defense Acquisition University, DAU) Министерства обороны США, учреждённый в 1991 году, трансформировался в корпоративный университет, обслуживающий около 160 тысяч специалистов [13]. Система DAWIA предусматривает обязательную сертификацию для всех сотрудников оборонных закупок: новые сотрудники получают 24 месяца на прохождение сертификации, с регулярной ресертификацией каждые 3–5 лет. Генеральная дирекция вооружений Франции (DGA) построена на интеграции инженерного образования и оборонной специализации: штат около 10 500 человек, из которых 60% – инженеры и эксперты [14]. Ключевая особенность – сочетание фундаментального инженерного образования с оборонной специализацией, что принципиально отличается от российской практики, где специалисты контрактных служб имеют преимущественно юридическое или экономическое образование [1].

Сравнительный анализ позволяет сформулировать центральный вывод: ни одна из действующих российских образовательных программ не готовит специалистов комплексного профиля для управления оборонными закупками. Образовавшийся пробел в образовательной сфере обуславливает необходимость разработки принципиально новой компетентностной модели, учитывающей как лучшие международные

практики, так и специфические условия функционирования российской системы ГОЗ.

2. Компетентностная модель: архитектура и содержание

Предлагаемая компетентностная модель включает два компонента: компетентностное ядро из восьми профессиональных компетенций и трёхуровневую образовательную систему. Методологически модель опирается на теорию человеческого капитала [12] и концепцию ключевых компетенций [15].

Первая компетенция – юридическая грамотность – предполагает глубокое владение Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» [9], Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», Постановлением Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2017 г. № 1465 о ценообразовании [5], практикой ФАС России. Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 511-ФЗ [11], вводящий автоматизированный мониторинг цен на продукцию ГОЗ с 1 апреля 2025 года, создаёт дополнительные требования к правовой компетенции специалистов.

Вторая компетенция – экономико-финансовая подготовка – охватывает ценообразование в системе ГОЗ, организацию раздельного учёта затрат, казначейское сопровождение средств на специальных банковских счетах, обоснование начальных (максимальных) цен контрактов. При объёме оборонного бюджета 13,5 трлн рублей каждый процент потерь от ценовых искажений эквивалентен 135 млрд рублей, отвлечённых от решения задач обороны.

Третья компетенция – аналитика данных и работа с информационными системами, включая системы на основе искусственного интеллекта. Данная компетенция непосредственно коррелирует с показателем E10 МВЭ-модели (технологическая готовность) и включает навыки работы с Единой информационной системой (ЕИС), АСТ ГОЗ, Государственной информационной системой промышленности (ГИСП). Стратегия развития искусственного интеллекта (Указ Президента от 15 февраля 2024 г. № 124) [8] определяет ИИ как приоритетное направление цифровой трансформации государственного управления.

Четвёртая компетенция – межведомственная координация – предполагает понимание институциональной архитектуры управления ГОЗ, включающей МО РФ, Минпромторг, Минфин, ФАС России, Федеральное казначейство, ВПК. Четырёхуровневая агентская модель, разработанная в рамках диссертационного исследования, выявляет, что каждый из уровней функционирует согласно собственной логике,

а информационные потоки характеризуются асимметрией и задержками. Специалист по управлению ГОЗ должен быть способен эффективно работать на стыках уровней, сокращая информационную асимметрию.

Пятая компетенция – управление рисками и антикоррупционная устойчивость. Предполагает не только овладение методами выявления коррупционных схем, но и формирование антикоррупционного мировоззрения как профессиональной ценности. Счётная палата Российской Федерации по итогам 2025 года зафиксировала возврат в бюджеты 294,1 млрд рублей и выявила более 4600 нарушений [7]. Данная компетенция непосредственно корреспондирует с показателем Е9 МВЭ-модели (антикоррупционная устойчивость).

Шестая компетенция – техническая грамотность в области ВВСТ – включает формулирование тактико-технических заданий, оценку адекватности технических предложений подрядчиков, взаимодействие с военной приёмкой (Постановление Правительства от 11 августа 1995 г. № 804) [4]. Опыт СВО продемонстрировал критическую важность технической грамотности: эффективные закупки БПЛА, средств РЭБ и систем связи требуют от контрактных управляющих понимания тактико-технических характеристик и производственных циклов.

Седьмая компетенция – стратегическое мышление и понимание военно-политического контекста. Специалист должен понимать место конкретного закупочного решения в более широком стратегическом контексте: связь с приоритетами Государственной программы вооружений, последствия для боеготовности, влияние на кооперационные связи. Индекс военно-экономической отдачи (ИВЭО), составляющий 0,69, свидетельствует о том, что Россия получает на 31 % меньше боевого потенциала на единицу расходов, чем оптимальный теоретический, расчетный уровень [2]. Формирование стратегического мышления требует обязательной стажировки в аналитических подразделениях ВПК или МО РФ продолжительностью не менее одного месяца.

Восьмая компетенция – цифровая грамотность и кибербезопасность: навыки работы в режиме «закрытой прозрачности» (промежуточный уровень информационной доступности между открытой информацией и государственной тайной), понимание рисков кибербезопасности информационных систем ГОЗ, способность оценивать совокупный уровень киберрисков (формула совокупного уровня киберрисков – СУК).

Реализация компетентностной модели предполагает создание трёхуровневой образовательной системы. Первый уровень (базовый, не менее 120 академических часов) предназначен для всех офицеров и гражданских специалистов контрактных служб организаций. Второй

уровень (продвинутый, не менее 504 часов) ориентирован на руководителей подразделений, включает стажировки на предприятиях ОПК. Третий уровень (экспертный, магистратура 2 года) предназначен для аналитиков ВПК и ВА ГШ. Обязательна сертификация по модели компетентностного ядра не реже одного раза в три года [1].

Принципиально важна интеграция боевого опыта СВО в учебные программы. Период 2022–2026 годов выявил критические «узкие места»: ускоренные закупки для восполнения потерь техники, импортозамещение в условиях полного санкционного давления, координация волонтерских закупок с государственной системой снабжения. Предлагается создать институт «приглашённых практиков» – действующих руководителей контрактных служб, военных представителей и специалистов ФАС, привлекаемых к преподаванию на условиях совместительства.

Таблица 1.

Трёхуровневая образовательная система подготовки кадров для управления ГОЗ

Уровень	Объём	Аудитория	Содержание	Результат
Базовый	≥ 120 ак.ч.	Офицеры контрактных служб	275-ФЗ, 44-ФЗ, ЕИС, антикоррупция	Допуск к должности
Продвинутый	≥ 504 ак.ч.	Руководители подразделений	Ценообразование, стажировки, ИИ	Свидетельство
Экспертный	2 года (маг.)	Аналитики ВПК, ВА ГШ	Стратегический анализ, моделирование	Магистр + серт.

3. Система мотивации, индекс эффективности и институциональное обеспечение

Компетентностная модель предполагает не только формирование профессиональных знаний и навыков, но и создание институциональных условий для привлечения и удержания квалифицированных специалистов. Без адекватной системы мотивации подготовленные специалисты будут мигрировать в гражданский сектор, предлагающий более привлекательные условия оплаты труда.

Предлагается система мотивации из трёх компонентов. Материальный компонент предусматривает надбавки не менее 30% к должностному окладу за прохождение сертификации (базовая – 10%, продвинутая – 20%, экспертная – 30%). Карьерный компонент определяет чёткие траектории от младшего контрактного управляющего через

руководителя направления до начальника контрактной службы и аналитика ВПК. Социальный компонент включает приоритетное обеспечение жильём и возможность повышения квалификации в ведущих гражданских вузах.

Для объективной оценки результативности предлагается композитный индекс операционной эффективности (КИОЭ):

$$\text{КИОЭ} = \alpha_1 \times \text{И(время)} + \alpha_2 \times \text{И(срок)} + \alpha_3 \times \text{И(исп)} + \alpha_4 \times \text{И(кач)} + \alpha_5 \times \text{И(эконом)}, \quad (1)$$

где И(время) – индекс своевременности закупочного цикла; И(срок) – индекс соблюдения сроков; И(исп) – индекс своевременности исполнения; И(кач) – индекс качества продукции; И(эконом) – индекс экономии бюджетных средств; весовые коэффициенты: $\alpha_1 = 0,25$; $\alpha_2 = 0,20$; $\alpha_3 = 0,25$; $\alpha_4 = 0,20$; $\alpha_5 = 0,10$ (сумма = 1,0). Значение КИОЭ, близкое к 1,0, свидетельствует о высокой эффективности; ниже 0,7 – о критических дисфункциях.

Формула КИОЭ представляет собой операционализацию показателей Е5–Е7 МВЭ-модели для текущего управленческого мониторинга. КИОЭ интегрирует два ранее разработанных индекса: ИВЭО (0,69) отражает стратегическую отдачу военных расходов, а ИИИ-ГОЗ (текущее значение 0,233, целевое $\geq 0,75$ к 2030 году) измеряет степень цифровой интеграции [2].

Необходимо подчеркнуть, что компетентные кадры являются фактором преодоления пяти системных противоречий ГОЗ, выявленных в рамках исследования: (а) между контролем и оперативностью – через специалистов, обеспечивающих контроль без бюрократических задержек; (б) между централизацией и адаптивностью – через кадры, владеющие навыками работы на стыках уровней агентской модели; (в) между формальными процедурами и реальными практиками; (г) между текущим обеспечением и перспективным развитием – через кадры со стратегическим мышлением; (д) между экономической эффективностью и обязательствами перед ОПК.

Институциональными адресатами рекомендаций являются: Президент Российской Федерации и ВПК (нормативные акты, определяющие статус системы подготовки); Государственная Дума (законодательные изменения в 275-ФЗ); МО РФ (интеграция модулей в программы военных академий); военные академии (ВА МТО, ВА ГШ, Военный университет) – непосредственная реализация образовательных программ. Рекомендуется учредить ежегодную научно-практическую

конференцию «Управление ГОЗ: наука и практика» под эгидой ВА ГШ и ВПК.

Целевые показатели кадровой реформы: повышение Е8 (кадровая обеспеченность) с текущих 0,60–0,65 до 0,90 к 2030 году; достижение 100 % охвата сертификацией базового уровня к 2028 году; создание не менее 200 мест на программах продвинутого уровня ежегодно; подготовка первого выпуска магистрантов экспертного уровня к 2029 году. Формирование квалифицированного кадрового потенциала – наиболее долгосрочная задача: подготовка специалиста с полноценным компетентностным ядром требует пяти–десяти лет, что означает необходимость немедленного начала кадровой реформы.

Список литературы:

1. Акиндинов В.В. Совершенствование нормативно-правового регулирования ГОЗ в условиях геополитической напряжённости // Военная мысль. – 2024. – № 1. – С. 18–30.
2. Буренок В.М. Системный анализ военно-экономического потенциала государства. – М.: Граница, 2018. – 214 с.
3. Коммерсантъ. Глава «Калашникова» сообщил о дефиците квалифицированных кадров в ОПК. 19 января 2026 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8361828> (дата обращения: 23.03.2026)
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 11 августа 1995 г. № 804 «О военных представительствах Министерства обороны Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/180550/> (дата обращения: 19.03.2026)
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2017 г. № 1465 «О государственном регулировании цен на продукцию, поставляемую по государственному оборонному заказу, а также о внесении изменений и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/71825654/> (дата обращения: 20.03.2026)
6. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 10 сентября 2015 г. № 625н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в сфере закупок»». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_187278/ (дата обращения: 25.03.2026)
7. Счётная палата Российской Федерации. Отчёт о работе Счётной палаты Российской Федерации в 2025 году URL: https://ach.gov.ru/reports/report_2025 (дата обращения: 22.03.2026)
8. Указ Президента Российской Федерации от 15 февраля 2024 г. № 124 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в

- Российской Федерации» и в Национальную стратегию, утверждённую этим Указом». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50326> (дата обращения: 26.03.2026)
9. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140175/ (дата обращения: 20.03.2026)
 10. Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_491969/ (дата обращения: 21.03.2026)
 11. Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 511-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном оборонном заказе»». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412280013> (дата обращения: 21.03.2026)
 12. Becker G.S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. 3rd ed. – Chicago: University of Chicago Press, 1993. – 390 p.
 13. Defense Acquisition University. DAWIA Career Field Certifications. URL: <https://www.dau.edu/training/credentials>
 14. Direction générale de l'armement. Présentation de la DGA. URL: <https://www.defense.gouv.fr/dga/nous-connaître/présentation-direction-générale-l'armement>
 15. Prahalad C.K., Hamel G. The Core Competence of the Corporation // Harvard Business Review. – 1990. – Vol. 68. – No. 3. – P. 79–91.

1.2. ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

РОЛЬ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ В РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Набока Даниил Юрьевич

*Студент
факультета экономики и менеджмента,
учреждение образования
«Белорусский государственный
экономический университет»,
Республика Беларусь, г. Минск*

Каун Сергей Борисович

*старший преподаватель
кафедры источниковедения,
Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, г. Минск*

THE ROLE OF PRAGMATIC HISTORY IN THE DEVELOPMENT OF PUBLIC ADMINISTRATION

Naboka Daniil Yurievich

*Student of the
Faculty of Economics and Management,
educational institution
“Belarusian State Economic University”,
Belarus, Minsk*

Kaun Sergey Borisovich

*Senior Lecturer
at the Department of Source Studies,
Belarusian State University,
Belarus, Minsk*

Аннотация. В статье исследуется прагматический подход к изучению истории через модель ситуационного управления государством и анализ лидерских качеств. На примерах Наполеона Бонапарта, Отто фон Бисмарка, Франклина Рузвельта и Рональда Рейгана показано, что анализ причинно-следственных связей и качеств руководителя позволяет превратить кризис в возможность укрепления государства. В работе рассмотрены преимущества и недостатки этого метода исторического познания.

Abstract. The article explores a pragmatic approach to the study of history through a model of situational government and an analysis of leadership qualities. Using the examples of Napoleon Bonaparte, Otto von Bismarck, Franklin Roosevelt and Ronald Reagan, it is shown that the analysis of cause-and-effect relationships and leadership qualities makes it possible to turn a crisis into an opportunity to strengthen the state. The paper considers the advantages and disadvantages of this method of historical cognition.

Ключевые слова: прагматическая история, основные различия между прагматической и «чистой» историей, исторические примеры, ситуационное управление, личностные качества руководителя, преимущества и недостатки прагматической истории.

Keywords: pragmatic history, main differences between pragmatic and “pure” history, historical examples, situational management, personal qualities of a leader, advantages and disadvantages of pragmatic history.

Актуальность исследования обусловлена тем, что прагматическая история позволяет выявить закономерности государственного управления, подтверждённые историческим опытом. Примеры знаменитых государственных деятелей Нового и Новейшего времён показывают: эффективное руководство опирается на стратегическое мышление, экономические и политические институты, личностные качества лидера и его способность формировать доверие общества.

Цель исследования: систематизировать исторические примеры выдающихся государственных деятелей и определить их значение для совершенствования современных моделей государственного управления.

Прагматическая история (от др.-греч. праγμα – «дело, действие») представляет собой особое направление исторического мышления, в котором прошлое рассматривается не как объект пассивной фиксации фактов, а как источник практических уроков для настоящего и будущего [1]. Её истоки восходят к античному философу-историку

Полибию (ок. 200–120 гг. до н. э.), автору масштабного труда «История». Полибий стремился не просто описывать события, но объяснять их причины и взаимосвязи, демонстрируя, какие выводы могут быть полезны для практики государственного управления. По его убеждению, главная задача историка заключается не в хроникальном повествовании, а в раскрытии причин явлений и механизмов их взаимодействия [2].

В XIX–XX веках идеи прагматизма получили систематическое развитие в философии и историографии. Чарльз Сандерс Пирс (1839–1914 гг.), считающийся основателем прагматизма, утверждал, что значение любой идеи определяется её практическим применением, а критерием истины выступает опыт и действенность. Уильям Джеймс (1842–1910 гг.) популяризировал прагматизм, представив его как методологический инструмент – «метод» проверки идей, который соединяет теорию и практику. В своей работе *Pragmatism: A New Name for Some Old Ways of Thinking* (1907 г.) он подчёркивал, что истинность мысли проявляется в её практических результатах, а философия должна помогать человеку ориентироваться в реальной жизни. Джон Дьюи (1859–1952 гг.) развил прагматизм в русле инструментализма. В труде *Logic: The Theory of Inquiry* (1938 г.) он настаивал, что знание должно выступать инструментом решения актуальных проблем, а наука и образование – служить практическим целям общества [1].

Прагматическая история отличается от «чистой» истории, ориентированной на реконструкцию событий и сохранение памяти. Если «чистая» история стремится к полноте картины и объективности, то прагматическая история сосредоточена на выявлении причинно-следственных связей и практических рекомендаций (таблица 1).

Таблица 1.

Основные различия между прагматической и «чистой» историей

Критерий	Прагматическая история	«Чистая» история
Цель	Извлечение практических уроков, формирование моделей действий для решения современных задач.	Реконструкция прошлого: установление фактов, событий и их взаимосвязей с максимальной достоверностью.
Фокус анализа	Причины и последствия событий, выявление закономерностей, пригодных	Хронология, контекст, источники, детальное описание событий и процессов без привязки к современности.

Критерий	Прагматическая история	«Чистая» история
	для применения в современной практике.	
Метод	Отбор релевантных исторических примеров, сопоставление с актуальными проблемами, моделирование сценариев развития.	Критический анализ источников, верификация фактов, междисциплинарные методы (палеогеография, нумизматика и др.), реконструкция цепочек событий.
Оценка ценности	Практическая полезность: применимость выводов в управлении, политике, бизнесе, военном деле.	Достоверность, точность, полнота реконструкции, соответствие научным стандартам источниковедения.
Аудитория	Политики, государственные деятели, менеджеры, военные, практики смежных областей.	Историки, исследователи, студенты, академическая среда.
Отношение к интерпретации	Допускает выборочную интерпретацию ради выявления «работающих» моделей, акцент на обобщениях.	Стремится к объективности: интерпретация строго опирается на источники, избегает упрощений.
Временной горизонт	Ориентирована на краткосрочные и среднесрочные выводы, релевантные текущему контексту.	Изучает долгосрочные процессы, структурные изменения, эволюцию явлений.

Примечание – Источник: собственная разработка авторов.

Таким образом, прагматическая история не противопоставляется «чистой» истории, а дополняет её, превращая знание о прошлом в инструмент анализа и принятия решений. Она даёт руководителю арсенал проверенных временем решений и позволяет оценивать перспективы намерений, учитывать интересы разных слоёв общества и укреплять готовность к ответственности.

Яркий пример прагматичного обращения к истории – философия Фридриха II Великого, изложенная в трактате «Анти-Макиавелли». Король отстаивал принципы просвещённого лидерства: сохранение местных законов и традиций, развитие городов и укрепление доверия подданных, подчёркивая, что сила власти кроется в их благополучии [3].

Сопоставляя модели управления Османской империи, Франции, России и Голландии, Фридрих доказывал: могущество государства определяется

не территорией, а трудолюбием граждан и развитием торговли. Он также выделял нравственные ориентиры, противопоставляя ответственное лидерство, например, Яна Собесского, Густава Вазы, трагедиям правителей, не обуздавших амбиции (Жан фон Лейден, Оливер Кромвель) [3].

Для Фридриха история была школой зрелости характера и служения обществу, практическим руководством, помогающим предвидеть долгосрочные последствия принятых решений. Эта мысль формирует основу для анализа *примеров* выдающихся государственных деятелей, чья практика управления в разных формах отражает принципы прагматической истории. Наполеон Бонапарт, Отто фон Бисмарк, Франклин Делано Рузвельт и Рональд Рейган – лидеры, действовавшие в различных исторических, экономических и политических контекстах и условиях, но объединённые опытом преодоления масштабных кризисов посредством целенаправленных стратегических решений. Каждый из них выработал собственную модель действий: от систематизации правовых норм и укрепления вертикали власти до либерализации экономики и социальных преобразований (таблица 2).

Таблица 2.

Сравнительный анализ действий лидеров в условиях кризисов

Лидер	Тип кризиса	Инструменты	Механизм действия	Эффект
Наполеон Бонапарт	Постреволюционный политико-экономический хаос, распад административной системы Франции.	Централизация власти, кодификация права, выстраивание союза с буржуазией.	Введение Гражданского кодекса (1804 г.), создание Банка Франции (1800 г.), реорганизация административного управления (префекты, централизованная бюрократия).	Восстановление правового и административного порядка, стабилизация финансовой системы, укрепление вертикали государственной власти,

Лидер	Тип кризиса	Инструменты	Механизм действия	Эффект
				легитимация новой элиты.
Отто фон Бисмарк	Политическая раздробленность германских земель, внешнеполитическая нестабильность, ослабление позиций Пруссии.	Realpolitik, сильная дипломатия, консервативная внутренняя политика с элементами либеральной (культуркампф).	Создание дипломатических альянсов (изоляция Франции, союз с Австрией/Россией), военные реформы и модернизация армии, поощрение индустриализации, аграрный протекционизм.	Объединение германских земель в Германскую империю (1871 г.), укрепление власти кайзера и правительства, рост экономической и военной мощи государства, формирование системы европейского баланса сил.
Франклин Рузвельт	Великая депрессия: массовая безработица, банковский кризис, падение производства, кризис государственного управления.	Активное вмешательство государства в экономику, стимулирование совокупного спроса.	Программы занятости населения, банковская реформа (FDIC, Закон о банковской деятельности 1933 г.), регулирование промышленности (NIRA) и сельского	Частичное восстановление экономики, снижение безработицы, укрепление роли государства в экономике, рост военной и

Лидер	Тип кризиса	Инструменты	Механизм действия	Эффект
			хозяйства (ААА), создание международных институтов (ООН, МВФ, Всемирный банк).	экономической мощи США к концу 1940-х гг., закладывание основ послевоенного международного порядка.
Рональд Рейган	Стагфляция (1970–начало 1980-х гг.), кризис доверия к государственным институтам, обострение холодной войны.	Неолиберальные реформы: налоговая политика, монетаризм, усиление оборонного потенциала.	Снижение ставок подоходного и корпоративного налогов (Economic Recovery Tax Act 1981 г.), дерегуляция отраслей (авиация, финансы, энергетика), жёсткая монетарная политика ФРС (борьба с инфляцией), значительное увеличение военных расходов.	Снижение инфляции к середине 1980-х гг., возобновление экономического роста, сокращение безработицы, рост бюджетного дефицита и государственного долга, усиление позиций США в холодной войне.

Примечание – Источник: собственная разработка авторов на основе данных [4–8].

Анализ исторического опыта демонстрирует: в условиях кризисов успех государственного управления зависит от умения подбирать

инструменты с учётом специфики проблем. Наполеон Бонапарт и Отто фон Бисмарк с юности видели в истории не свод фактов, а кладёз практических знаний о государственной власти и политике. Наполеон, обучаясь в Бриен-ле-Шато и Парижской военной школе, изучал опыт Александра Македонского, Ганибалла, Юлия Цезаря и Фридриха II – лидеров, сочетавших личные качества, дисциплину и гибкость в управлении. Это легло в основу его централизованной модели управления Французской империи. Бисмарк в берлинских гимназиях и Гёттингенском университете погружался в политическую историю, изучал труды Шекспира, Гоббса, Спинозы, Гегеля и Канта, но особое внимание уделял механизмам становления сильных государств и истории международных отношений.

Следует отметить, что для них история была рабочим инструментом: она помогала выявлять паттерны кризисов, оценивать долгосрочную эффективность планируемых решений и предвидеть последствия через аналогии с прошлым. Это подводит к принципам **ситуационного управления экономикой и государством**. Прежде всего важно точно определить характер и причины кризиса – от этого зависит выбор политических и экономических инструментов. Необходимо сочетать правовые, финансовые, социальные и внешнеполитические меры так, чтобы они усиливали и дополняли друг друга.

Не менее значим учёт реакции общества: без поддержки граждан даже продуманные решения обречены на провал. Кроме того, любое государственное вмешательство несёт побочные эффекты – от роста дефицита государственного бюджета до усиления неравенства общества. Потому критически важно заранее оценивать риски и продумывать способы их минимизации.

Современная практика подтверждает ценность этих принципов. Реформирование институтов укрепляет экономику в долгосрочной перспективе, в периоды кризисов незаменимы государственные инвестиции и международное сотрудничество. Фискальные и административные реформы вместе с гибкой монетарной политикой стимулируют экономический рост, но требуют защиты уязвимых групп населения. А дипломатия остаётся основным инструментом укрепления международных позиций государства.

Таким образом, модель ситуационного управления позволяет воспринимать кризис не только как угрозу, но и как возможность для обновления и укрепления государства. Однако её эффективность во многом определяется **личностными качествами руководителя**. В этом контексте особенно ценным становится опыт Сунь-цзы, который в

трактате «Искусство войны» выделил *пять добродетелей* «Полководца» как основу гармоничного и эффективного управления:

1. *Мудрость* – способность видеть сквозь текущие события, предугадывать последствия решений и корректировать курс.

2. *Доверие* – ясность в наградах и наказаниях, формирующая уверенность подчинённых и согласованность действий. Руководитель, внушающий доверие, получает готовность команды действовать быстро и эффективно.

3. *Человечность* – внимание к потребностям людей, справедливое отношение к ним и моральная поддержка укрепляют лояльность и снижают сопротивление изменениям.

4. *Отвага* – решительность в критический момент, готовность к продуманному риску и способность задавать темп преобразований.

5. *Строгость* – «железная» дисциплина и чёткая структура действий, исключающие хаос и обеспечивающие управляемость.

Как отмечали древние мыслители, добродетели должны находиться в равновесии: излишняя человечность превращается в слабость, слепая отвага – в безрассудство, чрезмерная строгость – в жестокость, а недостаток мудрости и доверия ведёт к непредсказуемым последствиям [9].

Тот же закон баланса действует и в научной практике: ни один метод не может быть абсолютно универсальным. Прагматический подход к изучению истории открывает новые возможности, но вместе с тем несёт и определённые риски, которые важно учитывать (таблица 3).

Таблица 3.

Преимущества и недостатки прагматической истории

Преимущества	Недостатки
Практическая применимость – даёт конкретные рекомендации для политики, менеджмента, образования («что сработало/не сработало в прошлом и почему»).	Риск редукации и упрощения – сложные процессы сводятся к «урокам» и схемам, теряются нюансы и контекст.
Доступность и вовлечённость – делает историю понятной для неспециалистов, повышает интерес к прошлому.	Игнорирование «непрактичного» – темы без явной прикладной ценности (повседневность, культура) остаются вне внимания.
Фокус на причинно-следственных связях – стимулирует анализ механизмов изменений, а не простое перечисление фактов.	Опасность телеологии – прошлое трактуется как прямая дорога к современности, альтернативные пути

Преимущества	Недостатки
	объявляются «неудачными».
Экономия ресурсов – исследователь концентрируется на узком круге источников и вопросов, избегая «энциклопедичности».	Снижение строгости научного подхода – в угоду ясности игнорируются историковедческие тонкости и дискуссионные вопросы.
Гибкость позволяет быстро реагировать на актуальные проблемы (например, исторические аналогии в кризисах).	Короткогоризонтность – акцент на немедленной пользе мешает изучать долгосрочные тренды и структурные изменения.

Примечание – Источник: собственная разработка авторов.

Преимущества и недостатки прагматической истории показывают, что данный подход обладает значительным потенциалом, но требует осторожного применения. Его сила – в практической направленности, гибкости и доступности, однако стремление к простоте может привести к опасности телеологии и снижению строгости научного подхода.

В заключение, следует отметить, что прагматический подход в истории, основанный на модели ситуационного управления государством и анализе качеств руководителей, позволяет видеть экономические и политические кризисы как возможность укрепления государства. Примеры Наполеона Бонапарта, Отто фон Бисмарка, Франклина Рузвельта и Рональда Рейгана показывают, что сочетание мудрости, доверия, человечности, отваги и строгости превращает лидерство в источник силы для построения успешного и процветающего государства.

Список литературы:

1. ПРАГМАТИЗМ – Советская историческая энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gufo.me/dict/history_encyclopedia/ПРАГМАТИЗМ (дата обращения: 15.12.2025).
2. Полибий. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/polibii-57de24> (дата обращения: 15.12.2025).
3. Анти-Макиавелли. Наставление о военном искусстве к своим генералам / Фридрих Великий. – Москва : Издательство АСТ: ОГИЗ, 2021. – 208 с. – (Власть: искусство править миром).
4. Буховец Т. В., Набока Д. Ю. КОНСУЛЬСТВО НАПОЛЕОНА: РЕФОРМЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО

- УПРАВЛЕНИЯ //Endless light in science. – 2024. – Т. 30. – №. сентябрь 12. – С. 6-18.
5. Наполеон: биография / Эндрю Робертс , Пер. с англ. – М. : Альпина нон-фикшн, 2023. – 940 с.
 6. Воспоминания Железного канцлера / Отто фон Бисмарк. – Москва: Издательство АСТ, 2023. – 608 с. – (Библиотека военной и исторической литературы).
 7. Франклин Рузвельт / Георгий Чернявский. – 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2018. – 542[2] с.: ил. – (Жизнь замечательных людей: сер. биогр., вып. 1731).
 8. Рейган / Георгий Чернявский, Лариса Дубова. – М.: Молодая гвардия, 2018. – 479[1] с.: ил. – (Жизнь замечательных людей: сер. Биогр., вып. 1742).
 9. Искусство войны / Сунь-цзы, пер. с китайского, предисл., коммент. В.В.Малявина. – Москва: Издательство АСТ, 2022. – 288 с. – (Популярная философия с иллюстрациями).

РАЗДЕЛ 2.

ФИЛОСОФИЯ

2.1. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

БОГ, ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК КАК ГЛАВНЫЕ КАТЕГОРИИ ФИЛОСОФИИ ВСЕЕДИНСТВА В.С. СОЛОВЬЕВА

Беляев Николай Васильевич

канд. филос. наук, доц.

Балашовского филиала (института)

*Саратовского государственного научно-исследовательского
университета – СГУ,*

РФ, г. Балашов

Аннотация. Статья посвящена фундаментальным категориям философии всеединства В.С. Соловьева. Раскрыта диалектическая взаимосвязь основных понятий картины мира, построенной философом. Показано значение идеи всеединства с позиций внутренней целостности теоретической конструкции В.С. Соловьева, последовательный идеалистический монизм его философии.

Ключевые слова: всеединство, онтологическая ориентация философии, единосущность Бога, природы и человека, эволюция мира как реализация Абсолюта, Душа Мира и София, человек как единство природного и духовного.

Философия В.С. Соловьева (1853 – 1900) до сих пор служит предметом интереса как исследователей-профессионалов, так и любителей философии. Можно назвать главные причины этого: во-первых, системный характер мировоззрения В.С. Соловьева, который построил целостную картину мира в рамках религиозно-идеалистической философии; во-вторых, достаточно широкое влияние результатов философского творчества Соловьева на последующее

развитие русской философии. К изучению творческого наследия выдающегося русского философа в первой половине XX века обращались В.В. Зеньковский, А. Кожевников, Н.О. Лосский, Э.Л. Радлов, С.Л. Франк, В.Ф. Эрн. На рубеже XX – XXI веков о философии Соловьева писали А.И. Абрамов., Е.В. Бессчетнова, А.В. Буллер, П.П. Гайдено, А.П. Козырев, А.Ф. Лосев, Н.В. Мотрошилова, С.С. Хоружий и многие другие. Несмотря на многочисленность трудов исследователей, многие аспекты философского творчества Соловьева нуждаются в дальнейшей интерпретации.

Развертывание теоретических изысканий философии всеединства В.С. Соловьева строилось вокруг трех главных категорий: Бог, Природа и Человек. Причем первое, на что обратим внимание – онтологическая ориентация, которая является фундаментальной характеристикой всех мировоззренческих подходов В.С. Соловьева. Гносеологическая проблематика находилась на втором плане, хотя и гносеологические подходы также использовались для обоснования идеи «всеединства».

Существует не вполне правильное мнение, что понятие «всеединство» было введено в философию Владимиром Соловьевым. На самом деле подходы к этому понятию имеют длительную историю. Близкие понятия к «всеединству»: всё, единое, максимум, Абсолют. Чтобы не уходить слишком далеко в эпоху Античности, есть смысл начать рассмотрение истории происхождения понятия с эпохи раннего Возрождения. Николай Кузанский в «Трактате об ученом незнании» начинает изложение своей философии с понятия «максимум». По его мнению, это нечто такое «больше чего ничего быть не может» [1, с. 51]. «Абсолютный максимум единственен, потому что он всё, в нем всё есть, потому что он высший предел. /.../ А так как он абсолютен, то воздействует в действительности на все возможное, не испытывает сам никакого ограничения, но ограничивает всё. Максимум охватывает всякую вещь, однако не способен существовать вне множественности, в которой пребывает, потому что не существует без ограничения и не может от него освободиться» [1, с. 51]. Вселенная существует через множественность вещей и, тем самым, по мысли Николая Кузанского, соединяется с Абсолютом.

Николай Кузанский обосновывал идею, что абсолютное единство и есть Бог и «что Бог един таким образом, что действительно является всем, что может быть» [1, с. 53]. При такой постановке вопроса достаточно сложно избежать отождествления Бога и мира, невольно возникает пантеистический уклон. Это можно видеть в трудах Джордано Бруно, который испытал сильное влияние Кузанского, но толковал его

идеи в духе пантеизма: «Всеобщий ум – это внутренняя, реальнейшая и специальная потребности потенциальная часть души мира. Это есть единое, тождественное, что наполняет всё, освещает Вселенную и побуждает природу производить как следует свои виды...» [2, с. 156-157].

Из немецкой классической философии следует обратиться к трудам Ф. В. Шеллинга, который назвал Бога *абсолютной целокупностью* и приписал ему свойство существования само в себе и само через себя. «Абсолютное, или Бог, есть то в отношении чего бытие, или реальность, вытекают из его идеи НЕПОСРЕДСТВЕННО». Шеллинг далее исследует диалектику единства и множественности в природе Бога. «Бог есть единство, которое равным образом не может быть определено как нечто противоположное множественности... сама абсолютная всеполнота» [3, с. 73-74].

Для В.С. Соловьева, как и для Шеллинга, на верхней ступени сложной мировой иерархии находится Бог (Абсолют). Он выстраивает мир как некую системную целостность, в которой разные уровни бытия гармонизированы. Именно в Боге-Творце содержится залог потенциального единства человека с природой и единение его с собственной духовной природой. Философ выявляет два основных определения абсолютного: «в первом оно берется само по себе в отдельности или отрешенности ото всего другого, и, следовательно, отрицательно по отношению к этому другому..., то есть ко всякому определенному бытию, ко всему частному, конечному, множественному...; во втором значении оно определяется положительно по отношению к другому, как обладающее всем, не могущее иметь ничего вне себя, (ибо тогда оно не было бы завершенным и всецелым)» [4, с. 703]. Но было бы неверно представлять себе Абсолют как нечто лишенное всех других определений, т.е. лишенное своей «производящей силы». Ведь если представить абсолютное как абстракт, существующий безотносительно к эмпирическому многообразию бытия, то такой абсолют не способен быть творящим началом. Он не способен порождать из себя какую-либо эмпирическую реальность.

По поводу истинно Сущего как основы всякого феноменального бытия философ отмечал: «Если метафизическое существо определяется как абсолютная основа всех явлений, то оно уже не может пониматься как сущее в себе или о себе *исключительно*, за ним уже утверждается некое отношение к другому, и притом отношение определенное и сложное...». Таким образом, бытие рассматривается как предикат Сущего, тем самым утверждается относительность бытия и абсолютность Сущего. Иными словами, Бог как Сущее содержит в себе основание всего

мироздания: «Истинно-сущее должно заключать в себе положительное основание *всего*, в противном случае если оно только противоплагается всему, как его простое отрицание, то оно, тем самым, превращается в ничто» [5, с. 234]. Здесь явно видна параллель с гегелевской диалектикой «бытия» и «ничто».

Признает Соловьев и относительную истинность понятия *материя*: «Материя есть чистое бесконечное бытие, безусловно, простая и единая субстанция. Она всецело заключена в самой себе, составляющая ее бесконечность, обнаруживается для другого... В этом едином, себе равном свойстве заключается вся истинность бытия...» [4, с. 264]. Но из такого абстрактного материального единства множественность мира не выводима. В самом деле, если подлинно существует только абстрактно единое, то множественность эмпирического бытия в этом случае не будет иметь основанием это единство, поскольку кроме этого единства совсем ничего нет. *Логос* как единое начало, потенциально содержащее все множество наличествующих в мире вещей – вот разрешение противоречия между единым и многим.

Философия всеединства В.С. Соловьева включала в свои основные принципиальные построения платоновское представление об одновременной причастности человеческого существования двум мирам: а) миру умопостигаемого бытия и б) миру чувственно воспринимаемых вещей. По мнению А.И. Абрамова, философское мирозерцание Владимира Соловьева содержало в себе три основополагающие идеи: идею внутренней духовности существующего, идею абсолютного всеединства, идею богочеловечества. При этом платоновские идеи в учении русского мыслителя выполняли функцию несущей конструкции всей его философской системы [6, с. 19].

Весьма нетривиальной представляется идея В.С. Соловьева о заранее заданной направленности мирового эволюционного процесса: «Космический ум в явном противоборстве с первобытным хаосом и в тайном соглашении с раздираемою этим хаосом мировую душу, или природою, творит в ней и через неё сложное и великолепное тело нашей Вселенной. Творение это есть *процесс*, имеющий две тесно между собою связанные идеи, общую и особенную. Общая идея есть воплощение реальной идеи, т.е. *света и жизни*, в различных формах природной красоты; особенная же цель есть создание человека» [7, с. 388-389].

Очень важными для понимания содержания картины мира В.С. Соловьева являются работы «Философские начала цельного знания» и

«Чтения о богочеловечестве». Открытый наукой XIX века мировой эволюционный процесс рассматривается как направляемая Божественной энергией последовательная космическая эволюция, которая, в конечном счете, приходит к самосознанию в человечестве. «Истинно-сущее должно содержать в себе положительное начало всех особенных форм и свойств нашего действительного мира, оно должно обладать в превосходной степени всей его полнотой и реальностью» [9, с. 155].

В самом ходе мысли наблюдается (осознанное или, возможно, неосознаваемое) влияние философии Гегеля. В.С. Соловьев выделяет три главные ступени мирового эволюционного процесса. Сначала господствует сила тяготения (гравитации), определяющая строение галактик и планетных систем. Далее на основе этих систем происходят многообразные взаимодействия, а именно тепловые, магнитные, электрические, химические. И, наконец, на базе этих взаимодействий формируется органическая жизнь. И, наконец, когда создана в природе вещественная оболочка для воплощения божественной идеи, начинается новый этап развития этой идеи, как начала идеального всеединства в форме человеческого сознания. То есть происходит осознание идеи всеединства человечеством.

Осуществляется воплощение в мире божественного содержания посредством такого субъекта как Душа Мира. В ранних работах Соловьева душа мира часто отождествлялась с Софией, но позднее, как отметил В.В. Зеньковский, эти понятия разводятся. Душа мира «как живое средоточие или душа всех тварей» занимает посредствующее место между множественностью живых существ и единством их в Боге, иными словами, она выступает как существо двойственное. Важно то, что в мировоззрении В.С. Соловьева душа мира заключает в себе и божественное начало и, одновременно, тварное бытие. Но она не определяется исключительно ни тем, ни другим... [8, с. 49].

Наиболее острые дискуссии, которые велись как среди сторонников философии Соловьева, так и среди внешних критиков философии всеединства вызывало учение о Софии. В ранних работах В.С. Соловьева иногда София характеризуется как творческое начало, присущее самому Божеству (Божественная мудрость), иногда она отождествляется с неким духовным началом в самой материи. В более поздних трудах, как отметил А.П. Козырев, понятия Душа Мира и София противопоставляются. Душа Мира имманентно присуща материи, София скорее трансцендентна по отношению к материальному миру. Поэтому Мировая Душа – антитип или противоположность Божественной Премудрости [10, с. 740]. София же воплощает

Божественный Логос. В других случаях говорится, что София – это «начало человечества, идеальный или нормальный человек». Находим также формулировку: «Тело Христово». Резонно возникает сомнение: следует ли наделять Божество дополнительно к трем лицам еще и женской ипостасью?

Идея всеединства, то есть единства Бога, природы и человека была той теоретической конструкцией, которая обеспечивала внутреннюю целостность и логическую завершенность философской системы В.С.Соловьева. Причем эта системная целостность не рассматривалась как неизменная (статичная), но как развивающаяся, эволюционирующая. Идея всеединства согласно концепции В.С. Соловьева содержала три главных аспекта: а) Бог, Природа и Человек по внутренней духовной сущности едины («единосущны»); б) целостность мира, которая выражается в единстве его основных закономерностей; в) познаваемость мира человеческим разумом, которая реализуется именно в плане понимания целостности мироздания. Эти принципиальные положения были введены философом как результат критики европейского эмпиризма и рационализма. Как справедливо отметил Н.О. Лосский, Соловьев не мог довольствоваться эмпиризмом, ибо «знание лишь голого факта, как чувственной данности, как явления, не удовлетворяет его, потому что явление не может быть познано без необходимой связи с другими явлениями... Чтобы познать эти отношения, нужно обратиться к помощи мышления, открывающего «общий смысл или разум вещей», ... который состоит именно в отношении всякой вещи ко всему, причем все мыслится не как хаотическое множество, а как систематическое *всеединство*» [11, с 105].

Божество не может быть *только* личностью, *только я*. Будучи субъектом, оно вместе с тем есть и субстанция (кстати, субстанция как субъект – это идея Гегеля). Субстанция проявляет себя во всем существующем. Бог как *Сушций* находится в некотором отношении к своему содержанию, или сущности. Для того чтобы не только он сам как субъект, но и *то, чего он есть субъект*, т.е. вся полнота абсолютного содержания из потенциальной (полноты) стала актуальной, необходим акт самоопределения. Как уже отмечалось, производит ее в себе. Всеединство реализуется в природном мире: «Божественное начало является здесь (в мировом процессе) как действующая сила абсолютной идеи, стремящейся реализоваться или воплотиться в хаосе разрозненных элементов». Как отмечал Соловьев в «Чтениях о богочеловечестве», «свободным актом мировой души объединяемый ею мир отпал от Божества и распался сам по себе на множество враждующих элементов; длинным рядом свободных актов все это восставшее множество должно

примириться с собою и с Богом и возродиться в форме абсолютного организма» [9, с. 159, 161].

Человек содержит в себе два начала: природное (животное) и духовное, связывающее его с Богом – Творцом. Исторический процесс должен рассматриваться как процесс духовного восхождения от господства биологического начала к прогрессирующему нарастанию духовного (нравственного) содержания человеческой личности и (в конечном счете) к богочеловечеству. Организационная форма, в которой осуществляется любовное («сигизическое») отношение между людьми есть Церковь. Именно она объединяет христиан в единую общину, способную к нравственному развитию в лоне Добра. Христианская вера является залогом духовного единства всех людей в лоне Церкви. Только на этом пути достижимы цельность жизни и любовь к людям.

Вполне осознавался Соловьевым в качестве методологии исследования метод восхождения от абстрактного к конкретному. В философии всеединства все сюжеты объединены в единую категориальную систему, что делает философию Соловьева диалектически конкретной. В частности, Н.О. Лосский отмечал конкретный характер мировоззрения Соловьева. Характерная черта философии всеединства – «искание *цельного* знания о *целостном* бытии и потому *конкретный* характер мировоззрения» [11, с. 105]. «Под диалектикой я разумею такое мышление, – отмечал Соловьев, – которое из общего принципа в форме понятия выводит его конкретное содержание; так как это содержание, очевидно должно уже содержаться в общем принципе (ибо иначе мышление было бы творчеством из ничего), но заключаться только потенциально». И далее: «Акт диалектического мышления состоит именно в переводе этого потенциального состояния в актуальность, так что начальное понятие является как некоторое зерно или семя, последовательно развивающееся в идеальный организм» [5, с. 226]. Абсолют и есть такое исходное зерно, из которого вырастает расчлененное древо категориальной системы В.С. Соловьева.

Сама идея «всеединства» говорит об изначальной органической целостности Бога и человека, об органичной связи человека, природы и Творца в этом мире. Более того, Соловьев в «Критике отвлеченных начал» рассматривает человека как «второе абсолютное», «другое существо, которое также абсолютно, но вместе с тем не тождественно с абсолютным как таким» [4, с. 711]. «Быть абсолютным – значит быть субъектом абсолютного содержания (всеединства), и если быть субъектом абсолютного содержания... свойственно единому истинному существу, или Богу, то другое существо может быть субъектом того

же содержания в постоянном процессе. Бог есть всеединое в вечности, человек же *становится* всеединым, реализуя «искру Божию». Человек представляет «два существенных элемента: во-первых, он имеет божественный элемент, всеединство, как свою вечную потенцию, постепенно переходящую в действительность, с другой стороны, он имеет в себе, небожественное... природный, или материальный элемент, в силу которого он не *есть* всеединое, а только *становится* им» [4, с. 711].

Связывает в некое единство Бога, человека и природу *любовь* как универсальная космическая сила. Любовь есть самоотрицание существа, утверждение им другого и этим самоотрицанием осуществляется его высшее самоутверждение. Абсолютное, будучи началом своего другого или единством себя и этого другого, т.е. любовью, не может перестать быть самим собой. Любовь Бога к миру вытекает из того, что истинно-сущее содержит в себе все многообразные формы и реалии нашего мира.

Из этого краткого обзора основных категорий философии Владимира Соловьева можно видеть, что эта философия носила системный характер. Это была система, основанная на принципах идеалистического монизма, логические связи всех компонентов системы были достаточно обоснованы с применением принципов диалектической логики.

Список литературы:

1. Николай Кузанский. Сочинения в 2-х т. / Под общ. ред. В.В. Соколова и Э.А. Тажуризиной – Т. 1. – М., Мысль, 1980. – 488 с.
2. Антология мировой философии. Т. 2/ Редколлегия: В.В. Соколов, В.Ф.Асмус и др. – М., Мысль, 1970. – 776 с.
3. Шеллинг Фридрих Вильгельм Йозеф. Философия искусства / Общ. ред. В.Ф. Овсянникова. Примеч. А.В. Михайлова. – М.: Мысль, 1966. -496 с.
4. Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Сочинения в 2-х т. Т. 1. / Общ. ред. и сост. А.В. Гульги, А.Ф. Лосева. Примеч.С.Л.Кравца и др. – М.: Мысль, 1988. – 892 с.
5. Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Соловьев В.С. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. / Общ. ред. и сост. А.В. Гульги, А.Ф. Лосева. Примеч.С.Л. Кравца и др. – М.: Мысль, 1989. 892 с.
6. Абрамов А.И. Философия всеединства Вл. Соловьева и традиции русского платонизма// История философии. – Вып. 6. – М., 2000. – С. 17- 25.
7. Соловьев В.С. Красота в природе // Соловьев В.С. Сочинения в 2-х т. Т. 2. / Общ. ред. и сост. А.В. Гульги, А.Ф. Лосева. Примеч.С.Л. Кравца и др. – М.: Мысль, 1989. 892 с.

8. Зеньковский В.В. История русской философии в 2-х т. Т. 2. – М., Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 540 с.
9. Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве// Соловьев В.С. Спор о справедливости: Сочинения. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО – Пресс, Харьков: Изд-во «Фолио», 1999. – 864 с.
10. Козырев А.П. Соловьев// Православная энциклопедия. Русская православная церковь/ Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Т. 64. – М.: Правосл. энцикл., 2022. – 760 с.
11. Лосский Н.О. История русской философии. – М. : Изд. группа «Прогресс», 1994.- 460 с.

РАЗДЕЛ 3.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

3.1. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ – ПРИЗНАВАЕМАЯ И ГАРАНТИРУЕМАЯ КОНСТИТУЦИЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ФОРМА САМООРГАНИЗАЦИИ ГРАЖДАН

Скопинцев Сергей Валерьевич

*студент 2 курса,
Саратовская государственная юридическая академия,
РФ, г. Саратов*

LOCAL SELF-GOVERNMENT IS A FORM OF CITIZENS' SELF-ORGANIZATION RECOGNIZED AND GUARANTEED BY THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Skopintsev Sergey Valerievich

*2nd year student,
Saratov State Law Academy,
Russia, Saratov*

Аннотация. В статье рассматривается местное самоуправление как одна из основ конституционного строя Российской Федерации и как форма самоорганизации граждан, признаваемая и гарантируемая Конституцией Российской Федерации. Анализируются конституционные положения, федеральное законодательство, научные подходы к пониманию сущности местного самоуправления. Выделяются принципы организации местного самоуправления, его роли в обеспечении участия населения в управлении делами государства, а также современные проблемы функционирования муниципальной власти. Резюмируется, что

местное самоуправление выступает важнейшим институтом демократического государства.

Abstract. The article examines local self-government as one of the foundations of the constitutional system of the Russian Federation and as a form of citizens' self-organization recognized and guaranteed by the Constitution of the Russian Federation. It analyzes constitutional provisions, federal legislation, and scholarly approaches to understanding the nature of local self-government. The principles of the organization of local self-government, its role in ensuring public participation in the governance of state affairs, as well as contemporary issues in the functioning of municipal власти are highlighted. It is concluded that local self-government constitutes a key institution of a democratic state.

Ключевые слова: местное самоуправление, Конституция РФ, муниципальная власть, самоорганизация граждан, органы местного самоуправления, муниципальные образования, конституционный строй, демократия, публичная власть.

Keywords: local self-government, Constitution of the Russian Federation, municipal authority, self-organization of citizens, local government bodies, municipalities, constitutional system, democracy, public authority.

Местное самоуправление в Российской Федерации является одной из важнейших форм осуществления народовластия и выступает неотъемлемым элементом демократического государства. Конституция Российской Федерации закрепляет признание и гарантирование местного самоуправления как самостоятельного института публичной власти, обеспечивающего решение населением вопросов местного значения [5, ст. 12].

Актуальность темы обусловлена тем, что местное самоуправление играет ключевую роль в обеспечении участия граждан в управлении делами государства, способствует развитию гражданского общества, а также обеспечивает эффективное решение вопросов местного значения. В современных условиях реформирования системы публичной власти значение местного самоуправления возрастает, что требует научного осмысления его конституционно-правовой природы.

Конституция Российской Федерации закрепляет местное самоуправление как одну из основ конституционного строя. В соответствии со статьёй 12 Конституции Российской Федерации местное самоуправление в Российской Федерации признаётся и гарантируется. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, что подчеркивает их самостоятельный характер [5, ст. 12].

Данное положение имеет принципиальное значение, поскольку закрепляет двойственную природу местного самоуправления: с одной стороны, оно является формой публичной власти, с другой – представляет собой форму самоорганизации населения.

В соответствии со статьёй 130 Конституции Российской Федерации местное самоуправление обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью [5, ст. 130].

Конституция также закрепляет право граждан участвовать в осуществлении местного самоуправления как непосредственно, так и через выборные органы [5, ст. 32, ст. 130]. Это свидетельствует о том, что местное самоуправление является одной из форм реализации народовластия.

Важную роль в развитии конституционных положений играет Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [12], который определяет правовые, организационные и экономические основы местного самоуправления.

Указанный закон устанавливает, что местное самоуправление осуществляется на всей территории Российской Федерации и гарантируется государством.

Таким образом, конституционные нормы закрепляют местное самоуправление как самостоятельный институт публичной власти, обеспечивающий участие населения в управлении государством на местном уровне.

Одной из ключевых характеристик местного самоуправления является его понимание как формы самоорганизации граждан. Это означает, что население самостоятельно, без прямого вмешательства государства, решает вопросы местного значения.

Самоорганизация граждан предполагает наличие следующих признаков:

1. Самостоятельность в решении вопросов местного значения.
2. Наличие собственных органов управления.
3. Финансовая и имущественная самостоятельность.
4. Ответственность перед населением.
5. Право на судебную защиту.

Местное самоуправление позволяет гражданам непосредственно участвовать в управлении территорией, на которой они проживают. Это проявляется через выборы органов местного самоуправления, участие в референдумах, сходах граждан, публичных слушаниях.

Особое значение имеет принцип самостоятельности, который означает, что органы местного самоуправления вправе принимать решения по вопросам местного значения без согласования с органами государственной власти, за исключением случаев, предусмотренных законом [9, С.45].

В научной литературе отмечается, что местное самоуправление является одной из форм реализации принципа народовластия, закрепленного в статье 3 Конституции Российской Федерации [5, ст. 3].

Кроме того, местное самоуправление способствует развитию гражданского общества, поскольку позволяет гражданам участвовать в решении вопросов, непосредственно затрагивающих их интересы.

В современных условиях самоорганизация граждан приобретает особое значение, так как именно на муниципальном уровне решаются вопросы жилищно-коммунального хозяйства, благоустройства, образования, здравоохранения и социальной поддержки населения.

Организация местного самоуправления в Российской Федерации основывается на ряде принципов, закреплённых в Конституции Российской Федерации, Федеральном законе № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», а также в иных нормативных правовых актах [12].

К основным принципам местного самоуправления относятся:

- Самостоятельность местного самоуправления
- Участие населения в осуществлении местного самоуправления
- Организационная обособленность органов местного самоуправления
- Законность в деятельности местного самоуправления
- Гласность и ответственность перед населением

Конституция Российской Федерации устанавливает систему гарантий местного самоуправления, обеспечивающих его самостоятельность и защиту [5, ст. 133]. К числу основных гарантий относятся:

1. Правовые гарантии
2. Организационные гарантии
3. Финансово-экономические гарантии
4. Судебная защита местного самоуправления
5. Государственная поддержка местного самоуправления

Несмотря на конституционные гарантии, в современной России существует ряд проблем, связанных с функционированием местного самоуправления.

Одной из основных проблем является недостаточность финансовых ресурсов муниципальных образований. Многие муниципалитеты

зависят от субсидий и дотаций из бюджетов субъектов Российской Федерации, что ограничивает их самостоятельность.

Другой проблемой является перераспределение полномочий в пользу органов государственной власти, что снижает уровень самостоятельности муниципальной власти.

Также существует проблема низкой активности населения в решении вопросов местного значения. Граждане не всегда участвуют в выборах, публичных слушаниях и иных формах местного самоуправления. Кроме того, в научной литературе отмечается необходимость совершенствования законодательства о местном самоуправлении с учётом современных условий развития государства.

Важной задачей является повышение эффективности взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления при сохранении принципа самостоятельности муниципальной власти. Решение указанных проблем позволит укрепить местное самоуправление как одну из основ демократического государства.

Местное самоуправление является признаваемой и гарантируемой Конституцией Российской Федерации формой самоорганизации граждан и важнейшим элементом конституционного строя государства [5, ст. 130].

Конституция Российской Федерации закрепляет самостоятельность местного самоуправления, право граждан участвовать в решении вопросов местного значения, а также систему гарантий, обеспечивающих его функционирование [5, ст. 130]. Местное самоуправление выступает одной из форм реализации народовластия и обеспечивает участие населения в управлении делами государства на местном уровне.

Вместе с тем современное развитие системы публичной власти требует совершенствования законодательства, укрепления финансовой самостоятельности муниципальных образований и повышения активности граждан.

Эффективное функционирование местного самоуправления является необходимым условием развития демократического государства и гражданского общества в Российской Федерации.

Список литературы:

1. Авакьян, С. А. Конституционное право России / С. А. Авакьян. – М. : Проспект, 2022.
2. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации / М. В. Баглай. – М. : Норма, 2022.
3. Государственная Дума Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: <https://duma.gov.ru> (дата обращения: 03.04.2026).

4. Козлова, Е. И. Конституционное право России / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин. – М. : Юрист, 2021.
5. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учётом поправок) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
6. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. В. Лазарева. – М. : Норма, 2023.
7. Кутафин, О. Е. Муниципальное право Российской Федерации / О. Е. Кутафин. – М. : Юрист, 2021.
8. Постановления Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам местного самоуправления.
9. Президент Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 03.04.2026).
10. Уставы муниципальных образований Российской Федерации.
11. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.
12. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
13. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 52 (ч. I). – Ст. 8978.
14. Чиркин, В. Е. Конституционное право России / В. Е. Чиркин. – М. : Норма, 2020.

3.2. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

МАРКЕТПЛЕЙС КАК КОНТРОЛЕР: ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАКОНА О ПЛАТФОРМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Баева Александра Александровна

*магистрант юридического факультета,
Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС,
РФ, г. Новосибирск*

Горячева Елена Васильевна

*канд. юрид. наук,
доц. кафедры гражданского права и процесса,
Сибирский институт управления –
филиал РАНХиГС,
РФ, г. Новосибирск*

MARKETPLACE AS A CONTROLLER: ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF THE LAW ON THE PLATFORM ECONOMY

Baeva Aleksandra Aleksandrovna

*Undergraduate of the Faculty of Law,
Siberian Institute of Management –
Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Russia, Novosibirsk*

Goryacheva Elena Vasilievna

*Candidate of Sciences (Legal),
Associate Professor
of the Department of Civil Law and Procedure,
Siberian Institute of Management –
Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Russia, Novosibirsk*

Аннотация. В статье исследуется правовой статус и пределы ответственности маркетплейсов в спорах с потребителя в сфере электронной торговли в контексте принятия Федерального закона О платформенной экономике 2025 года. Целью работы является классификация подходов судебной практики 2022-2025 годов и оценка эффективности новых механизмов идентификации продавцов и обеспечения информационной открытости карточек товаров. Автор обосновывает переход от понятия маркетплейса лишь как технического посредника к концепции определения его как ответственного контролёра цифровой среды для обеспечения защиты прав и интересов потребителей.

Abstract. The article examines the legal status and limits of liability of marketplaces in consumer disputes within the e-commerce sector in the context of the adoption of the federal law on the platform economy of 2025. The purpose of the work is to classify the approaches of judicial practice from 2022 to 2025 and evaluate the effectiveness of new seller identification mechanisms and the information transparency of product cards. The author substantiates the transition from perceiving the marketplace merely as a technical intermediary to the concept of its definition as an accountable controller of the digital environment to ensure the protection of consumer rights and interests.

Ключевые слова: электронная торговля, оператор посреднической цифровой платформы, маркетплейс, защита прав потребителей, закон о платформенной экономике, прозрачность интерфейса, надлежащий ответчик, судебная практика, контролер цифровой среды.

Keywords: e-commerce, intermediary digital platform operator, marketplace, consumer protection, law on the platform economy, interface transparency, proper defendant, judicial practice, digital environment controller.

В условиях новой правовой реальности гражданский оборот, как и любая другая сфера права, немислим без инструментов цифровизации. До недавнего времени при динамичном развитии электронной торговли как относительно нового и особого вида предпринимательской деятельности, нормотворческий процесс отставал от цифровых реалий.

Мощной предпосылкой для включения этапа по цифровизации всех бытовых процессов стала пандемия COVID-19 в 2020 году, когда введенный карантинный режим и различные ограничения обусловили вынужденный и массовый переход к дистанционным форматам, вследствие чего модифицировались и потребительские привычки. Теперь вместо привычного нам похода в продуктовый магазин, все больше потребителей отдают предпочтение заказу доставки продуктов на дом,

превратив электронную торговлю в основной способ приобретения товаров и услуг.

Устойчивость данного тренда подтверждается статистикой: так, за 2025 год оборот российского рынка электронной торговли вырос на 28 % [10]. Такая тенденция к увеличению оборота данного рынка наблюдается не первый год, и в дальнейших перспективах видится продолжение перехода бытовых процессов в цифровую среду.

Однако такой стремительный рост коммерческих онлайн-отношений приводил к формированию устойчивого разрыва между сложившейся хозяйственной практикой и возможностями действующего правового регулирования. Этот дисбаланс породил множество правовых коллизий, которые в условиях новой правовой реальности непосредственно затрагивают реализацию конституционных гарантий защиты прав и свобод человека.

Ввиду того, что в России отсутствует единый кодифицированный акт, который в полной мере регулировал бы сферу электронной торговли, особую значимость по сей день приобретает доктринальное определение ключевых понятий. В отечественной цивилистике сложилось два основных подхода к пониманию электронной торговли: широкий, рассматривающий её как комплексную предпринимательскую деятельность с применением цифровых технологий, и узкий, фокусирующийся на технико-юридическом способе заключения сделок.

Современный синтез этих подходов предлагает Н. Е. Савенко, определяя электронную торговлю как «осуществление сделок по продаже товаров и услуг дистанционным способом посредством заключения договоров в электронной форме между участниками гражданского оборота» [9, с. 82].

При этом, вопреки попыткам доктрины выработать комплексное определение, практическое регулирование в российском праве на текущий момент носит фрагментарный характер. Законодатель ограничился более узкой конструкцией «дистанционного способа продажи товара», интегрировав соответствующие нормы в правила о розничной купле-продаже (статья 497 Гражданского кодекса РФ [1], статья 26.1 Закона РФ «О защите прав потребителей» [2]). То есть именно факт того, что потребитель не может непосредственно ознакомиться с приобретаемым товаром до заключения договора купли-продажи, обуславливает необходимость наличия специального правового регулирования такой сферы.

В условиях цифровизации гражданского оборота традиционная модель договорных отношений между продавцом и покупателем перестраивается в усложнённую третьим лицом модель, то есть

усложнённую посредником между двумя сторонами классической формы. Таким посредником в электронных сделках выступает её организатор – владелец агрегатора информации, маркетплейс или оператор посреднической цифровой платформы – такое понятие введено новым Федеральным законом РФ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» [3], о котором в том числе пойдёт речь в данной статье.

Началом этапа развития правового регулирования электронный торговли стало включение в преамбулу Закона РФ «О защите прав потребителей» легального определения владельца агрегатора информации. С 2018 года агрегатором признается любая организация, независимо от её организационно-правовой формы или индивидуальный предприниматель, которая является владельцем сайта в сети Интернет, предоставляя с помощью такого сайта потребителю: ознакомиться с офертой продавца, заключить с ним договор купли-продажи и непосредственно произвести предварительную оплату за приобретённый товар через платёжную систему агрегатора.

Но стоит обратить внимание, такое определение по своей сути является описательным и лишь указывает на функциональное значение такого субъекта договорных отношений, фиксируя роль агрегатора как посредника и оператора платежей [8, с. 7]. В связи с чем вопрос цивилистического характера о статусе агрегатора и пределах его ответственности за обязательства продавца, оставался открытым.

Такая неопределённость правового статуса являлась предпосылкой для возникновения в правоприменительной практике такого феномена, как «размывание ответственности» перед потребителем. То есть покупатель в условиях новой правовой реальности определяет единый интерфейс и бренд площадки (агрегатора/оператора) как основополагающий элемент сделки, ставя агрегатора на первое место в договорных отношениях. Потребитель, как экономически слабая сторона отношений, склонен рассматривать маркетплейс как единственного и фактического контрагента, считая, что договор купли-продажи того или иного товара заключается напрямую с ним, хотя в реальности в правовом поле ответственность между владельцем агрегатора и продавцом рассредоточена, о чем покупатель и не догадывается.

Ввиду этого на практике возникали проблемы: потребитель, например, при дистанционной покупке некачественного товара, достаточно часто предъявляет иск, как оказывается в моменте рассмотрения дела в суде, к ненадлежащему ответчику, что является предпосылкой для затягивания судебного процесса, а в конце концов и для отказа в удовлетворении иска.

Принятый в 2025 году Закон о платформенной экономике, который вступит в силу с 1 октября 2026 года, позволяет сделать шаг вперёд навстречу выстраивания более безопасной цифровой среды и нахождения баланса между интересами всех участников электронного рынка, разрешая вышеуказанную коллизию. Например, согласно статье 7 данного Закона у агрегатора (т.е. оператора) появляется обязанность информирования потребителей о том, что он не является продавцом того или иного товара (в случаях, если оператор не продает товары от своего имени).

Тем не менее, до момента принятия данного Закона, то есть в период поиска правовой определенности и отсутствия единых норм об обязанности информирования в 2022–2025 годах сформировался неоднородный ландшафт судебных прецедентов, анализ которых позволяет выделить три основных подхода судов к проблеме определения надлежащего ответчика, отражающих эволюцию взглядов на роль агрегатора в сделках в сфере электронной торговли.

Первый подход – формальный, при котором агрегатор признается исключительно информационным посредником.

Данный подход является доминирующим и основан на буквальном толковании статуса «владельца агрегатора информации», закрепленного в преамбуле Закона РФ «О защите прав потребителей». Суды, руководствуясь условиями публичной оферты площадки, квалифицируют её владельца как лицо, не являющееся стороной договора купли-продажи. Основанием для освобождения от ответственности за качество товара служит факт предоставления потребителю информации, позволяющей идентифицировать продавца, даже если эта информация минимальна.

В Определении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 28.10.24 № 88-25684/2024 суд указал, что наличие в кассовом чеке идентификационного номера налогоплательщика (ИНН) продавца достаточно для его идентификации потребителем [4]. Иск к маркетплейсу ООО «Вайлдберриз» был оставлен без удовлетворения как предъявленный к ненадлежащему ответчику.

Аналогичную позицию занял Первый кассационный суд общей юрисдикции в Определении от 05.05.23 № 88-12110/2023, отказав во взыскании с владельца агрегатора информации, поскольку последний представил доказательства того, что реальным продавцом являлось третье лицо, чьи данные были доступны потребителю [5].

Второй подход основан на принципе эстоппель и направлен на защиту добросовестных ожиданий потребителя.

Встречаются решения, в которых суды, отходя от формальной модели агрегации, встают на защиту разумных ожиданий потребителя, сформированных документами и интерфейсом самой площадки. Ключевую роль здесь играет принцип запрета противоречивого поведения (эстоппель): площадка не может в суде отрицать тот статус, который объективно следует из выданных ею же фискальных документов.

Ярким примером служит Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12.02.25 № 88-2933/2025 [6]. Суд установил, что в графе «продавец» кассового чека, сформированного системой ООО «Вайлдберриз», было указано наименование самого маркетплейса, а иных неопровержимых доказательств существования иного продавца ответчик не представил. В связи с этим иск потребителя к ООО «Вайлдберриз» предъявлен к надлежащему ответчику – стороне договора.

Третий подход – ужесточение бремени доказывания для агрегатора.

Высшие судебные инстанции указывают, что простой ссылки на статус «посредника» недостаточно. Площадка должна активно доказать, что информация о реальном продавце была доведена до потребителя в доступной и понятной форме, а не просто технически размещена.

Об этом свидетельствует Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 06.06.25 по делу № 88-12071/2025 [7], где суд кассационной инстанции указал на необоснованность вывода нижестоящих судов об отсутствии ответственности владельца агрегатора, ограничившихся констатацией его общего статуса без исследования реальных обстоятельств информирования потребителя.

Выявленный раскол практики имеет глубокую причину: до момента принятия нового Закона, правовое поле не регулировало формат, наглядность и момент доведения информации о продавце до потребителя.

Таким образом, проведенный анализ позволяет оценить эффективность правовых норм нового закона в контексте различной судебной практики.

Одной из ключевых причин почему суды долгое время придерживались «формального подхода» – это сложность оперативного выявления продавца. Новый Закон в целом позволяет изменить сложившийся порядок: согласно статье 5, оператор цифровой платформы перед тем, как предоставить продавцу (партнёру) доступ к размещению предложений о покупке его товаров на площадке, обязан проверить идентификационные данные через государственные реестры (ЕГРЮЛ или ЕГРИП), либо через систему ЕСИА.

Более того, статья 7 нового Закона, по сути, закрепляет в правовом поле требование к информационной открытости карточки товара, что напрямую является одним из ключей к решению проблемы «ненадлежащего ответчика» в спорах потребителей с маркетплейсом/продавцом. Теперь оператор площадки обязан четко и прямо указывать, кто же фактически является продавцом товара – он или другой участник электронного рынка (партнёр).

Одной из проблем также являлось затягивание разбирательств с маркетплейсами, на что было указано в настоящей статье. С принятием нового Закона такая проблема должна быть устранена, поскольку статья 14 вводит обязательную систему досудебного рассмотрения жалоб непосредственно через информационную площадку. Ответ на такую претензию оператор обязан предоставить в течение 15 дней, что безусловно ускоряет процесс урегулирования споров, а в некоторых случаях позволит уладить такой спор без необходимости обращения потребителя в суд.

Несмотря на то, что новый Закон имеет прогрессивный характер, так или иначе остаются спорные моменты. Одним из решений проблем, на наш взгляд, могло бы быть введение законодателем солидарной ответственности оператора и продавца за недостоверное и неполное информирование потребителя, однако законодатель выбрал путь государственного надзора.

Также, согласно статье 21 нового Закона контроль за карточками товаров (ст. 7) возложен на Роспотребнадзор. Эффективность такой модели будет зависеть от жёсткости правоприменения: станет ли штраф для оператора достаточным стимулом бороться с обманчивой информацией о продавце, или же электронный рынок вернётся к идее гражданско-правовой ответственности оператора.

Принятие в 2025 году Закона о платформенной экономике является шагом в новую правовую реальность – отказом от прежнего взгляда на маркетплейс как на технического посредника, который не несёт никакой ответственности в сделках в сфере электронной торговли. Теперь, после вступления указанного Закона в силу, на оператора возлагается активная роль контролёра цифровой среды для обеспечения безопасности цифровых сделок.

Проведённый анализ показывает, что новые нормы, закреплённые в статьях 5 и 7 способны свести к минимуму проблемы «размывания ответственности», которые чётко прослеживались в судебной практике 2022-2025 годов. Вместе с тем, до момента вступления Закона в силу судам не стоит отказываться от принципа эстоппеля – логику нового закона полезно использовать как ориентир, чтобы по-прежнему защищать

потребителя как экономически более слабую сторону в цифровом пространстве.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 2 : Федер. закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ [ред. от 24 июня 2025 г., с изм. от 16 дек. 2025 г.] // // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5, ч. 2. – Ст. 410.
2. О защите прав потребителей: Закон Российской Федерации от 7 февр. 1992 г. № 2300-1 : принят Гос. Думой 5 дек. 1995 г. [ред. от 8 авг. 2024 г.] // // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 3. – Ст. 140.
3. Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации: Федер. закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 31. – Ст. 4643.
4. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 28.10.2024 № 88-25684/2024 // КонсультантПлюс: сайт. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.03.2026).
5. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 05.05.2023 № 88-12110/2023 // КонсультантПлюс: сайт. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.03.2026).
6. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12.02.2025 № 88-2933/2025 // КонсультантПлюс: сайт. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.03.2026).
7. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 06.06.2025 № 88-12071/2025 // КонсультантПлюс: сайт. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.03.2026).
8. Аксенов В. А., Одинцов С. В. Правовая природа маркетплейсов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2024. – №1. – С. 5-21.
9. Савенко Н. Е. Электронная (дистанционная) торговля и ее элементы: анализ действующего регулирования и законодательных инициатив // Журнал российского права. – 2025. – № 5. – С. 77-90.
10. 11,5 трлн рублей: АКИТ подвела итоги интернет-торговли за 2025 год // Ассоциация компаний интернет-торговли: сайт. – URL: <https://akit.ru/news/11-5-trln-rublej-akit-podvela-itogi-internet-torgovli-za-2025-god> (дата обращения 28.03.2026).

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НЕКОТОРЫХ КОНСТРУКЦИЙ НАЛОГОВОГО И ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Гасанов Рамиль Ибрагимович

аспирант,

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
РФ, г. Казань*

INTERACTION OF SOME TAX AND CIVIL LAW CONSTRUCTIONS

Gasanov Ramil Ibragimovich

Graduate student

*Kazan (Volga Region) Federal University,
Russia, Kazan*

Аннотация. В статье дается характеристика функциональной связи гражданского и налогового права применительно к вопросу о соотношении объекта налогообложения земельного налога и земельного участка как объекта гражданских прав. Делается вывод, что объектом налогообложения земельного налога является именно земельный участок (гражданско-правовая конструкция), а не земля как природный объект и часть материального мира.

Abstract. The article provides a description of the functional relationship between civil and tax law in relation to the issue of the relationship between the object of land tax and the land plot as an object of civil rights. It is concluded that the object of land taxation is precisely the land plot (a civil-law structure), and not the land as a natural object and part of the material world.

Ключевые слова: земельный участок; объект налогообложения; земельный налог; функциональная связь.

Keywords: land plot; taxable object; land tax; functional connection.

Между гражданским и налоговым правом существуют разные функциональные связи, которые проявляют себя как на уровне объективного права, так и на уровне конкретного правоотношения как результата правовой регламентации. М.Ю. Чельшев отмечал, что применение функционального подхода позволяет исследовать право в его динамике, поскольку функции могут проявиться только тогда, когда системы

разного уровня (подотрасли, институты и проч.) находятся в действующем состоянии[5, С.18]. Функциональные связи при этом можно разделить на субординационные и координационные[1, С.39].

В отношении земельного налога функциональная связь налогового и гражданского права проявляется в том, что земельный участок как объект налогообложения не может существовать вне его существования в гражданско-правовой плоскости. Без существования земельного участка как недвижимой вещи нельзя говорить о соответствующем объекте налогообложения, что свидетельствует о субординации между этими явлениями и о наличии субординационной связи соответственно. Между тем, НК РФ и ГК РФ имеют одинаковую юридическую силу, в связи с чем некоторые авторы называют такую связь координационной функциональной связью[4, С.46].

В п. 1 ст. 38 НК РФ [9] в качестве объекта налогообложения указано имущество, с наличием которого возникает обязанность по уплате налога. Кроме того, объектом налогообложения могут быть: реализация товаров, услуг, прибыль, доход, расход, а также иное обстоятельство, которое должно иметь стоимостную, физическую, количественную характеристику. При этом анализ легальной дефиниции позволяет прийти к выводу, что имущество, являющееся объектом налогообложения, есть некое обстоятельство, юридический факт. Между тем таким обстоятельством является не само имущество как некая правовая конструкция, а обладание имуществом или наличие имущества у субъекта – налогоплательщика в пространственно-временном отрезке. Более того, наличие именно субъективного вещного права в отношении земельного участка является тем обстоятельством, которое влечет за собой возникновение у его обладателя конкретной обязанности по уплате земельного налога.

Заметим, что С.Г. Пепеляев определяет объект налогообложения именно как юридический факт (действие, событие, состояние), который опосредует обязанность заплатить налог (к примеру, обороты по реализации товаров (работ, услуг), ввоз товара на территорию государства, владение имуществом, получение дохода и др.), или фактическое основание экономического характера, с которым законодательство о налогах и сборах связывает возникновение такой обязанности[3, С.100-101]. Однако, такое понимание объекта налогообложения не отражает всей специфики, характерной для данной категории, и не согласуется с легальной дефиницией, закрепленной в п. 1 ст. 38 НК РФ[9].

В этом месте мы сталкиваемся с «наследованием» налоговым правом гражданско-правовых дилемм. В доктрине представлены разные позиции по поводу соотношения понятий «вещь» и «имущество».

Понятие «имущество» может восприниматься несколько шире понятия «вещи» и включать также имущественные права в виде права на действия других лиц [2, С.44, 6, С.95]. Разные подходы к пониманию имущества содержатся и непосредственно в ГК РФ. Так, если согласно ст. 128 ГК РФ понятие имущества включает вещи и имущественные права [8], то в ст. 209 ГК РФ имущество, являющееся объектом права собственности, представлено только вещами [8]. Самый широкий вариант понятия имущества можно обнаружить в ст. 1112 ГК РФ, указывающей, что в состав наследственного имущества входят вещи, имущественные права и имущественные обязанности [11].

НК РФ же в ст. 38 под имуществом понимает объекты гражданских прав, относящиеся к имуществу в соответствии с ГК РФ [8], но не признает при этом имуществом имущественные права, за исключением безналичных денежных средств, бездокументарных ценных бумаг и цифровой валюты. Следует отметить, что прямой отсылки непосредственно к ст. 128 ГК РФ налоговый закон не содержит, хотя и использует наименование данной статьи: объекты гражданских прав. Кроме того, п. 2 ст. 38 НК РФ [9] оперирует тем же перечнем объектов, который указан в ст. 128 ГК РФ [8], и в той же последовательности.

Применительно к земельному участку как объекту гражданских прав следует сказать, что объектом права собственности на землю выступает конкретный земельный участок или его часть, который имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной недвижимой вещи (ст. 6 ЗК РФ) [10]. ГК РФ в ст. 141.2 также содержит указание на то, что земельный участок должен иметь границы, определенные в установленном порядке [8], а, следовательно, земельный участок как индивидуально определенная вещь существует тогда, когда в соответствии с законодательством определены его границы путем межевания и постановки на кадастровый учет. Именно земельный участок как гражданско-правовая конструкция, а не земля как часть материальной действительности обладает свойством оборотоспособности [2, С.117].

Если обратиться к ст. 389 НК РФ [7], то становится ясно, что объектом налогообложения являются земельные участки, существование которых определено гражданским и земельным законодательством. Более того, в этой же статье указывается, что не являются объектами налогообложения земельные участки, в соответствии с законодательством Российской Федерации изъятые из оборота или ограниченные в обороте.

Следовательно, наличие именно признаков оборотоспособной с точки зрения гражданского права вещи является необходимым

условием для формирования объекта налогообложения земельного налога, что и предопределяет существование функциональной связи гражданского и налогового права, которая реализуется в форме прямой отсылки к нормам ГК РФ, использования налоговым законодательством понятий гражданского и земельного права, а также конструкции оборотоспособности.

Таким образом, получаем характеристику функциональной координационной связи на уровне объективного права. Помимо этого, необходимо показать функциональную связь и на уровне субъективного права. Для этого следует обратиться к ст. 388 НК РФ[7], в соответствии с которой налогоплательщиками земельного налога признаются организации и физические лица, обладающие земельными участками на праве собственности, праве постоянного (бессрочного) пользования или праве пожизненного наследуемого владения. При этом следует отметить, что безвозмездное пользование или аренда не являются тем правообладанием, которое влечет за собой возникновение обязанности по уплате земельного налога. То есть налогоплательщиками являются обладатели вещных прав на земельные участки, но не обязательственных.

Следовательно, субъективная обязанность по уплате налога возникает не просто в связи с существованием самого объекта налогообложения, а лишь при наличии субъективного вещного права в отношении такого объекта. С этой позиции облагается налогом субъективное гражданское право (например, право собственности), объектом которого является земельный участок как гражданско-правовая вещь. То есть вещное гражданское правоотношение есть необходимое условие возникновения и существования налогового правоотношения. Это позволяет говорить о наличии функциональной связи на уровне субъективного права, под которой понимается зависимость возникновения налоговой обязанности от наличия конкретного субъективного гражданского права, что напрямую не связано с текстом законодательных актов, тогда как с точки зрения объективного права объект налогообложения функционально связан с земельным участком как гражданско-правовой вещью без учета пространственно-временной характеристики, что не позволяет отнести его к разновидности обстоятельств, отличных от обстоятельства наличия субъективного права на вещь.

Подобное исследование связей гражданского и налогового права представляется ценным, как минимум, потому что это объясняет степень взаимосвязи и взаимозависимости, во-первых, различных отраслей права, во-вторых, субъективных прав и обязанностей участников общественных отношений. Наличие такой взаимосвязи ставит вопросы о её пределах, формах реализации, месте в системе толкования права и др.

Изучение уровней и форм отраслевых взаимосвязей ведет к более детальному пониманию места каждой отрасли права в общей системе права.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. 264с.
2. Ахметьянова З.А. Вещное право: учебник. М.: Статут, 2011. 360 с.
3. Налоговое право: учебник / под ред. С.Г. Пепеляева. М.: Юристъ, 2004. 590 с.
4. Нормы права: теоретико-правовое исследование / отв. ред. Т.В. Губаева, А.В. Краснов. М.: РАП, 2014. 164 с.
5. Чельшев М.Ю. Основы учения о межотраслевых связях гражданского права. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. 205 с.
6. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М.: Спарк, 1995. 556 с.
7. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая / Федеральный закон от 05.08.2000 N 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст.3340
8. 8.Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая / Федеральный закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
9. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая / Федеральный закон от 31.07.1998 N 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
10. Земельный кодекс Российской Федерации / Федеральный закон от 25.10.2001 N 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. №44. Ст. 4147
11. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья / Федеральный закон от 26.11.2001 N 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. №49. Ст. 4552

ПРОБЛЕМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ СМАРТ-КОНТРАКТОВ В ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ РОССИИ

Коротченко Денис Андреевич

*магистрант,
СИУ РАНХиГС,
РФ, г. Новосибирск*

Горячева Елена Васильевна

*научный руководитель,
доц. кафедры гражданского права и процесса,
канд. юрид. наук,
СИУ РАНХиГС,
РФ, г. Новосибирск*

PROBLEMS OF IMPLEMENTING SMART CONTRACTS INTO THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

Korotchenko Denis Andreevich

*Master's student,
SIU RANEPA,
Russia, Novosibirsk*

Goryacheva Elena Vasilievna

*Academic Supervisor,
Associate Professor of the Department
of Civil Law and Procedure, PhD in Law
SIU RANEPA,
Russia, Novosibirsk*

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы внедрения смарт-контрактов в правовую систему России. Анализируются различные подходы к определению правовой природы смарт-контракта, исследуют его основные признаки и особенности применения. Особое внимание уделяется вопросам применения мер защиты и ответственности в договорных отношениях с использованием смарт-контрактов. На основе анализа судебной практики и доктринальных подходов автор выдвигаются предложения по совершенствованию правового регулирования в данной сфере.

Abstract. The article examines current issues related to the implementation of smart contracts in the Russian legal system. It analyzes various approaches to defining the legal nature of a smart contract and examines its key characteristics and application. Particular attention is paid to the application of protective measures and liability in contractual relationships involving smart contracts. Based on an analysis of judicial practice and doctrinal approaches, the author puts forward proposals for improving legal regulation in this area.

Ключевые слова: смарт-контракт, правовое регулирование, цифровая экономика, блокчейн, электронная торговля, гражданско-правовой договор, меры защиты, самоисполняемый договор, программное обеспечение.

Keywords: smart contract, legal regulation, digital economy, blockchain, e-commerce, civil law contract, protective measures, self-executing contract, software

В динамично изменяющихся современных условиях, когда электронная торговля вытесняет традиционные способы взаимодействия между контрагентами, возникает ряд правовых и институциональных ограничений, а также возрастает риск недобросовестного поведения сторон. Для предотвращения подобных ситуаций и упрощения процедуры электронной торговли в целом, повсеместно применяются новые, для нашего правового порядка уж точно, варианты закрепления условий договоров и обеспечения его исполнения, такие как смарт-контракт. Но, несмотря на удобство применения такой конструкции, его правовой режим должным образом еще не урегулирован отечественным законодательством, что сдерживает повсеместное его применение и вызывает ряд проблем на практике, связанных с квалификацией, применением мер защиты и ответственности. Отсутствие легального определения, четкого перечня признаков также затрудняет применение смарт-контракта.

Впервые о смарт-контракте заговорили в середине 90-х годов прошлого века, когда американский ученый-юрист Ник Сабо описал и определил его концепцию [7, С. 54]. Он является пионером в данной области, и впервые предложил употребление термина «смарт-контракт», под которым лично он подразумевал некий код, являющийся транзакционным протоколом, позволяющим автоматизировать и осуществить исполнение условий договора с помощью программного обеспечения.

Однако подобное правовое явление появилось задолго, до его описания Н. Сабо. Самым простым примером применения смарт-контракта является «вендинговый аппарат», то есть автоматизированное устройство для продажи товаров или предоставления услуг без участия продавца. Некоторые ученые в своих доктринальных трудах идут еще дальше и указывают на применение данной конструкции в Древнем Риме, институт рабства – где рабы могли в «автоматическом режиме» выполнять обязательства от имени владельца, при этом не являясь субъектом права. Но такие аналогии вызывают лишь интерес для дискуссий, не являясь состоятельными в наше время, ведь сама концепция смарт-контракта трансформировалась и изменилась в 21 веке.

Переломным моментом в развитии института смарт-контракта является 2008 год, когда в гражданский оборот были внедрены технологии блокчейна, представленные С. Никамото [14], на них основывается автоматизация смарт-контракта. Блокчейн-технология позволяет брать на себя обязательства и исполнять их, без каких-либо опасений насчет добросовестности контрагента [6, С. 72]. В связи с этим, смарт-контракты стали успешно и широко встраиваться в существующую модель договорных правоотношений, однако, так как это явление обладающие особыми характеристиками, правовое регулирование в данной области невозможно посредством актуального законодательства и требует детальной проработки. Интеграция в отечественный правовой порядок – вопрос времени, в связи с чем необходимо подготовить правовую основу, а именно определиться с первостепенными вещами, такими как правовая природа смарт-контракта, его определение и признаки.

Существует несколько доктринальных подходов, к пониманию смарт-контракта. Первый подход гласит, что смарт-контракт – это программный код. Его сторонники рассматривают это явление через технологический аспект, то есть для них смарт-контракт является лишь инструментом для внешнего выражения его условий, сам Ник Сабо в своей работе отмечал, что смарт-контракт не является самостоятельной разновидностью договора, а представляет лишь его форму [15].

Другой точки зрения придерживаются Л. Г. Ефимова, И. Е. Михеева и Д. В. Чуб, которые в своей работе отмечают, что смарт-контракта по своей сути не существует, это алгоритм, который «накладывается» на договор, заключенный традиционным способом, способствуя его последующему исполнению или прекращению [9, С. 241].

Довольно большая часть научного сообщества придерживаются третьего подхода – что смарт-контракт, это разновидность гражданско-правового договора. В качестве доказательств действительности данной точки зрения, Савельев А.И. в своей работе [11, С. 42] указывает, что

смарт-контракт соответствует дефиниции указанной в п. 1 ст. 420 ГК РФ: «договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей.» [1, Ст. 420]. Сопоставим смарт-контракт с традиционным договором. Оба вида договоров обуславливают переход товаров, реализацию работ и услуг, требуют выражение воли его участниками, а стороны имеют права и обязанности. Однако противники такого мнения говорят, что в смарт-контрактах невозможно предусмотреть автоматизированное компенсации убытков, при нарушении контракта, или учесть форс мажорные обстоятельства.

Среди противников третьего подхода, был разработан четвертый, который поддерживается такими учеными, как Дядькин Д.С., Усольцев Ю.М. и Усольцева Н.А. [8, С. 19], они относят «умный договор» к способу обеспечения обязательства, но никак не к самостоятельному виду договора.

Комплексным является пятый подход. Интересно мнение Д.В. Федорова, который утверждает, что смарт-контракт является разновидностью договора, написанного на языке программирования, что не искажает договорную сущность заключаемой сделки, поскольку договор может быть заключен на любом языке, включая язык программирования [12, С. 61]. Данный подход получает свое развитие в работе И.А.Хаванова, где она предлагает не узкое понимание сущности смарт-контракта, как автоматизации договорных отношений, ведь он может содержать не только программный код, но и содержание контракта на естественном языке [13, С.37].

Неоднократные попытки определения правовой природы смарт-контракта так и не привели к единению мнения, что приводит к многоуровневости и разрозненности правового регулирования. В правовом поле, он может выполнять различные функции, в разных целях, так что понимание его природы множественно, но все же исходит из первостепенного программного кода, который адаптируется под конкретные потребности участников оборота.

Если попытаться найти легальное определение смарт-контрактов в действующем законодательстве РФ, то, к сожалению, оно нигде не содержится. Наиболее популярное доктринальное определение смарт-контракта предложено А.И. Савельевым: «это соглашение сторон, существующее в форме программного кода, функционирующего в распределенном реестре данных, который обеспечивает самоисполнимость условий такого договора при наступлении заранее определенных в нем обстоятельств.» [11, С. 40]. Из определения мы можем сделать вывод, что смарт-контракт обладает уникальным набором признаков:

– объединение в одно целое воли и волеизъявления. Волеизъявление, не подразумевает свободного толкования с учетом цели договора, как это установлено в ст. 431 ГК РФ [1, Ст. 431];

– гарантированность и односмысленность исполнения. Из-за того, что исполнение происходит в автоматическом режиме без человеческого участия, это отрицает возможность ненадлежащего исполнения;

– статичность. Смарт-контракты не могут реагировать на меняющиеся обстоятельства или цели сторон, в отличие от традиционных договоров;

– самоисполнимость. С момента, как одна сторона выражает свою волю в виде запроса на определенных условиях, программный алгоритм в автоматическом режиме самостоятельно найдет подходящее предложение и даст тем самым начало договорным отношениям между контрагентами, без излишних согласований на преддоговорной стадии.

Проблема, на которую хотелось бы обратить внимание, это проблема применения мер защиты, в договорных отношениях с использованием смарт-контракта. Даже с использованием автоматизированных систем, у контрагентов взаимодействие не всегда протекает без проблем, по вине одной из сторон или по не зависящим от них обстоятельствам, ведь механизм смарт-контракта может не охватывать преддоговорные отношения и отношения, складывающиеся по окончании исполнения основного обязательства. Подобные нестабильности приводят к нарушению чьих-либо прав, в следствие чего появляется необходимость применения мер защиты. Под мерами защиты, в общем смысле, понимаются разного рода санкции, однако сами санкции в свою очередь делятся на меры защиты (принудительные последствия вне зависимости от наличия вины) и меры ответственности (в случае виновного противоправного поведения), в то же время необходимо осознавать, что меры ответственности и защиты выступают одновременно способами защиты гражданских прав [1, Ст. 12] и могут использоваться одновременно. Такие категории, как взыскание неустойки, принуждение к исполнению обязательства в натуре, признание сделки недействительной и другие, успешно используются в традиционных договорных отношениях, однако в отношении смарт-контракта, применение многих их может быть затруднено, что вынуждает рассматривать их под «другим углом». Рассмотрим некоторые меры защиты и ответственности, по отношению к «умному договору».

Часть мер применяется в привычном формате, но с некоторыми особенностями, а часть обретают нестандартный вид для отечественного гражданского права. Начнем признание права, в нашем случае права на объект или право, переданное по смарт-контракту, например, право собственности

на имущество. Его исполнение не гарантирует легитимности основания для перехода права. Основной вопрос, вызывающий проблемы связан с доказательной базой, ведь разбор программного кода зачастую не доступен участникам процесса, а малая часть условий на естественном языке не указывает нам на необходимый юридический факт. В таких случаях стороны могут прибегнуть к использованию в качестве доказательств совокупности выписок из информационной системы платформы и иных доказательств, которые оформляются в единый «протокол осмотра доказательств», заверенный нотариусом. Так в постановлении Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда (15 ААС) от 9 февраля 2025 г. по делу № А53-10976/2023 [4] решался вопрос о признании сделки недействительной, ввиду неравноценности встречного предоставления. В подтверждение своих доводов и избранной позиции, ответчик представила суду протокол осмотра доказательств от 23.10.2024, удостоверенный нотариусом города Тюмени.

Рассмотрим такую меру, как признание сделки незаключённой или ничтожной. Существует мнение, что применение подобных способов невозможно, об этом, например в своей работе пишет Карцхия А.А. [10, С. 27], но это не является действительностью. Суды могут признавать недействительным смарт-контракт при наличии необходимых оснований.

Так в деле № А55-7445/2022[5] от 2 февраля 2023 года Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд (11 ААС) признал договор, заключенный по средством смарт-контракта на приобретение лицом автомобиля NAVAL Jolion в комплектации Premium незаключенным, ввиду отсутствия существенных условий о наименовании и количестве товара, обращение к одному конкретному лицу, обязательства по оплате в «якобы» заключенном смарт-контракте.

Возмещение убытков и взыскание неустойки – наиболее применимые, но также проблемные меры. Санкция за просрочку исполнения обязательства может быть закодирована в контракт и списана автоматически, что может привести к несоразмерности (п. 2 ст. 333 ГК РФ [1, С. 333]). Снижение неустойки вряд ли применимо из-за технических ограничений, однако можно задействовать механизм взыскания неосновательного обогащения [2, Ст. 1102] на разницу в неустойке – что значительно усложнит процесс. Касательно убытков, вне зависимости от их природы, встает вопрос их доказывания и определения надлежащего ответчика. В истинно децентрализованной системе, которой является блокчейн, взыскивать убытки не с кого. Если убытки наступили по причине программной ошибки, то в качестве ответчика могут выступить: разработчик, децентрализованная автономная организация, платформа.

Но на практике в таких отношениях ответчиком выступает одна из сторон отношений.

Так в деле рассмотренным Арбитражным судом Новосибирской области № А45-8431/2025 от 11 августа 2025 года, о взыскании задолженности, процентов за пользование чужим имуществом с использованием смарт-контракта, отмечается следующее: срабатывание смарт-контракта является основанием для совершения исполнителем действий, направленных на исполнение данного контракта [3]. Истец, следуя принципу добросовестности и условиям договора, направил две заявки на проведение платежа в счёт уплаты контракта. Ответчиком же на протяжении разумных сроков обязательство исполнено не было, далее истец обратился в претензионном порядке к ответчику об исполнении обязательства, ответчик ответил, что постарается принять всё возможное, касательно осуществления возврата денежных средств. В дальнейшем обязательство исполнено не было, истцом заявлено требование о взыскании задолженности с требованием о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами. Суд, исследовав материалы дела, исковые требования удовлетворил, т.е., в данном деле программных ошибок не было, а следовательно, ответчиком по делу будет выступать именно субъект договорных правоотношений.

В соответствии с вышеизложенным, можно сказать, что в отношениях, связанных со смарт-контрактом, могут применяться общепринятые меры защиты, хоть и с небольшими поправками на особенность природы смарт-контракта. Зачастую, проблемные ситуации с защитой прав при применении смарт-контракта возникают из-за ошибок программного кода, ведь участия сторон в этом процессе нет, что вызывает проблемы доказывания и привлечения ответственных лиц (операторов и владельцев платформ).

Смарт-контракт – прогрессивный и удобный способ закрепления договорных отношений, которой активно используется по всему миру, но по-прежнему находится в «серой зоне» правового регулирования не только Российской Федерации, но и других стран. Его урегулирование бросает новые вызовы правовой системе, и является необходимым в ближайшем будущем. Из-за нестабильного статуса и активного процесса развития «умный договор» вызывает некоторые проблемы, которые мы рассмотрели в рамках исследования. Первостепенным является необходимость определения правовой природы смарт контракта – выбор подходящей правовой концепции, закреплении его определения и признаков.

Так, следует признать смарт-контракт особой формой заключения и исполнения сделки, а не новым видом договора, что позволит плавно

интегрировать его в российскую правовую систему, соответствуя подходу, заложенному в ст. 160 ГК РФ [1, Ст. 160]. Ввести в Гражданский кодекс следующее определение: «Смарт-контракт (самоисполняемая сделка) – это сделка, условия которой представлены в виде алгоритма в программном коде, исполнение которого происходит автоматически при наступлении предусмотренных обстоятельств, подтверждаемыми указанными в коде источниками информации, если иное не предусмотрено соглашением сторон или законом».

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ : принят Гос. Думой 21 октября 1994 г. : [ред. от 31 июля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : Федер. закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ : принят Гос. Думой 22 декабря 1995 г. : [ред. от 24 июня 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
3. Постановление Арбитражного суда Новосибирской области № А45-8431/2025 от 11 августа 2025 года. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 20.03.2026).
4. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда (15 ААС) от 9 февраля 2025 г. по делу № А53-10976/2023. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 20.03.2026).
5. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда (11 ААС) от 2 февраля 2023 г. по делу № А55-7445/2022. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 20.03.2026).
6. Болотаева О. С. Основные направления правового регулирования систем распределенного реестра в условиях формирования цифровой экономики / О. С. Болотаева // Вестник СВФУ. – 2017. – N 8. – С. 69-78.
7. Гринь О. С., Гринь Е. С., Соловьев А. В. Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения / О. С. Гринь, Е. С. Гринь, А. В. Соловьев // Lex russica. – 2019. – N 8. – С. 51-62.
8. Дядькин Д. С., Усольцев Ю. М., Усольцева Н. А. Смарт-контракты в России: перспективы законодательного регулирования / Д. С. Дядькин, Ю. М. Усольцев, Н. А. Усольцева // Экономика и юриспруденция. – 2018. – N 5. – С. 17-20.
9. Ефимова Л. Г., Михеева И. Е., Чуб Д. В. Процессуальные аспекты использования смарт-контрактов в гражданском обороте по праву России и зарубежных стран / Л. Г. Ефимова, И. Е. Михеева, Д. В. Чуб // Вестник гражданского процесса. – 2020. – N 4. – С. 235-253.

10. Карцхия А. А. Цифровой императив: новые технологии создают новую реальность / А. А. Карцхия // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 8. – С. 25-31.
11. Савельев А. И. Договорное право 2.0: "умные" контракты как начало конца классического договорного права / А. И. Савельев // Вестник гражданского права. – 2016. – № 3. – С. 39-60.
12. Федоров Д. В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта / Д. В. Федоров // Вестник гражданского права. – 2018. – № 2. – С. 30-74.
13. Хаванова И. А. Смарт-контракты: феномен технопровового регулирования и налоги / И. А. Хаванова // Финансовое право. – 2020. – № 3. – С. 36-38
14. Nakamoto S. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System / S. Nakamoto – 2008.
15. Szabo N. Smart Contracts: Building Blocks for Digital Markets / N. Szabo – 1996.

ПОНЯТИЕ ИНСТИТУТА ПРАВ РЕБЕНКА И ЕГО МЕСТО В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Федяков Иван Александрович

*аспирант 2 курса,
Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный
экономический университет»,
РФ, г. Санкт-Петербург*

THE CONCEPT OF THE INSTITUTION OF THE RIGHTS OF THE CHILD AND ITS PLACE IN THE MODERN LEGAL SYSTEM

Fedyakov Ivan Alexandrovich

*2-nd year postgraduate student,
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education «Saint Petersburg
State University of Economics»,
Russia, Saint-Petersburg*

Аннотация. Особую дискуссионность приобретает вопрос толкования понятия «институт прав ребенка». Преимущественно такая дефиниция раскрывается через призму правового статуса ребенка, однако в научной литературе крайне мало исследований, в которых бы давалось авторское определение «института прав ребенка». Настоящая научная статья призвана восполнить такой пробел, автором предпринята попытка обоснования специфики терминологической основы в данной сфере, в том числе определены такие важные категории как «правовой статус ребенка», «ребенок», «несовершеннолетний», «института прав ребенка». Сформулированные выводы могут быть взяты за основу для дальнейших научных изысканий, а также для законотворческих целей.

Abstract. The issue of interpretation of the concept of «institution of the rights of the child» is particularly controversial. This definition is mainly revealed through the prism of the legal status of the child, but there are very few studies in the scientific literature that would give an author's definition of the «institution of the rights of the child». This scientific article is intended to fill such a gap, the author has attempted to substantiate the specifics of the terminological basis in this area, including identifying such important categories as «legal status of the child», «child», «minor», «institute of the rights of the child». The formulated conclusions can be used as a basis for further scientific research, as well as for legislative purposes.

Ключевые слова: ребенок, институт, права, защита, правовая система.

Keywords: child, institution, rights, protection, legal system.

Права и свободы ребенка всегда занимали предопределяющее значение для выстраивания государственной политики. Значение данным вопросам уделяется не только на уровне национального регулирования, но и международных актов, которые фактически составляют правовой базис правоотношений в указанной сфере. В данной связи институт прав ребенка на сегодняшний день занимает концептуально важное значение в российской правовой системе [8, с. 467].

В научной литературе на сегодняшний день институт прав ребенка рассматривается через призму правового статуса ребенка, в т.ч. определения терминологической основы («ребенок», «подросток», «несовершеннолетний») [10, с. 365]. В данной связи представляется актуальным рассмотреть специфику правового статуса ребенка, выявив понятие института прав ребенка и его место в современной правовой системе.

Правовой статус ребенка зачастую рассматривается как специальный статус. Такой статус наделяет ребенка определенными правами и

обязанностями, которые присущи именно ему как субъекту правоотношений. Соответственно, и определять правовой статус такого субъекта необходимо с учетом всей специфики.

Так, М. Романская указывает, что «правовой статус ребенка можно определить как специальный, характеризующийся определенным набором прав, обязанностей и особенностями их реализации» [13, с. 118].

А.Ф. Камалетдинова считает, что «правовой статус ребенка представляет собой комплекс определенных нормативно-правовыми актами прав, обязанностей, свобод, а также законных интересов, имеющих гарантию исполнения и защиты в случае нарушения» [7, с. 77].

Таким образом, можем заметить, что правовой статус ребенка характеризуется как специальный. Главным образом это связано с присущими ему правами и гарантиями, которые находят отражение в рамках действующего законодательства. Данные права и гарантии будут специальными, поскольку присущи именно данному субъекту общественных отношений [9, с. 21].

Проанализировав положения, которые содержатся в научной литературе, можно сделать вывод, что в настоящее время существуют дифференцированный и интегрированный способы определения понятия «ребенок» [16, с. 300]. При этом дифференцированное определение базируется на перечне основных эмпирических характеристик искомого понятия и признает, что «ребенок» – это развивающееся человеческое существо от рождения до возраста десяти лет.

Таким образом, в отличие от правопонимания, в большинстве общественных наук имеет место дифференциация детского возраста, основанная на учете особенностей его психофизиологического состояния [14, с. 100]. Очевидно, что при формировании правового статуса несовершеннолетних необходимо учитывать особенности их психики и поведения, в чем соответственно и будет выражаться специфика их правового положения.

Интегрированное определение, в котором, по сути, делается попытка обобщенного подхода к понятию «ребенок» – это гражданин (человек), не достигший совершеннолетия (18-ти лет), применяется в российском законодательстве как аналог термина «несовершеннолетние». Возрастная дифференциация детского периода заметно варьируется в зависимости от уровня развития общества. С усложнением форм производства социальное формирование ребенка затягивается, именно этим объясняется увеличение границ возрастных критериев детей с 11 до 18 лет [6, с. 14].

Рассматривая правовое понятие «ребенок» с юридической точки зрения необходимо отметить, что речь идет о детях, не достигших

совершеннолетия (восемнадцатилетнего возраста). Об этом говорится в международном и в национальном законодательстве отдельных стран.

Так, Конвенция о правах ребенка [2] определяет понятие ребенок как особую демографическую группу населения, нуждающуюся в специальной системе защиты, создании благоприятных условий для выживания, здорового и гармоничного развития каждого ребенка как личности, признавая его самостоятельным субъектом права.

При этом сам институт прав ребенка признается краеугольным в системе прав человека. Данный институт характеризуется специальными принципами, которые позволяют обеспечить повышенную защиту прав и интересов таких субъектов [11, с. 608].

Рассматривая понятие «несовершеннолетний» важно отметить, что оно имеет отношение только к праву и в других отраслях знаний это научное понятие практически не употребляется [12, с. 75]. «Несовершеннолетние» с юридической точки зрения – это лица, не достигшие возраста, установленного законом для достижения полной дееспособности. Примечательно, что в словаре В. Даля несовершеннолетним считается лицо, не достигшее двадцати одного года [15]. По законодательству Российской Федерации несовершеннолетние – это лица, не достигшие восемнадцати лет.

Как отмечалось, в российских нормативно-правовых актах используются такие термины, как «ребенок», «дети», «подросток», «молодежь», «несовершеннолетний», «малолетние», а законодательно определено лишь понятие «ребенок». Отметим, что в логическом аспекте содержание понятия «ребенок» («дети»), в отличие от термина «несовершеннолетний», не исчерпывается возрастной оценкой субъекта. Это понятие включает в себя также характеристику его социальной связи с родителями. В общественной жизни и в сфере права понятие «ребенок» («дети») может обозначать и совершеннолетних.

В Конституции Российской Федерации (часть 3 статьи 38) говорится, что трудоспособные дети (старше 18 лет) обязаны заботиться о нетрудоспособных родителях [1]. В нормативных актах слово «ребенок» обозначает как лицо до 18 лет, так и биологическую связь с родителем, причём различия не уточняются. Согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации, несовершеннолетние делятся на три группы: малолетние до 6 лет, дети до 14 лет и подростки от 14 до 18 лет. Малолетние до 6 лет полностью недееспособны, и сделки от их имени совершают родители или представители. Дети от 6 до 14 лет обладают ограниченной самостоятельностью, а подростки в возрасте 14-18 лет – большей, приближающейся к совершеннолетию [4]. В законодательстве понятия «ребенок» и «несовершеннолетний» считаются

равнозначными. Однако общество всё больше признаёт ребенка как самостоятельную социальную ценность, что отражено в Конституции РФ.

Правовой статус ребенка имеет свойство меняться, поскольку он зависит от тех или иных условий, напрямую не зависящих от самого ребенка. Это может быть состав и полнота семьи, состояние здоровья, возраст и т.д. Тем самым, можно сделать вывод о том, что отличительной чертой детей является их особый правовой статус как особых субъектов.

Примечательно отметить, что законодатель не дает легального определения таким понятиям как «ребенок» или «дети». Можно встретить в рамках действующего законодательства только такие дефиниции как «несовершеннолетний», «недееспособный» (используется, в частности, при характеристике несовершеннолетних). Так, данные дефиниции активно используются, например, в гражданском и семейном законодательстве. При этом термин «несовершеннолетний» можно встретить и при анализе норм об административной и уголовной ответственности. Можно встретить и такой термин как «детство». Например, в рамках ст. 15 Федерального конституционного закона от 06 ноября 2020 года № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» [3].

Считаю, что это достаточно значимый недостаток действующего законодательства, восполнить который можно было бы в рамках положений семейного законодательства. Главным образом это связано с тем, что на сегодняшний день имеется правовая неопределенность в аспекте определения понятия «ребенок», а также какая специфика (в аспекте правового статуса) ему присуща. Фактически законодатель называет данного субъекта по-разному в зависимости от тех общественных отношений, в которых он участвует. Например, для образовательного процесса он выступает в качестве «обучающегося», в гражданских отношениях законодатель именуется его «несовершеннолетним» и т.д.

Возвращаясь к категории правового статуса следует отметить, что в целом она является достаточно сложной в научной среде. В частности, это связано с тем, что она является достаточно многоаспектной.

Как правило, выделяется общий и специальный правовой статус. Как уже было отмечено, статус ребенка является специальным, так как данный правовой статус проявляется у физического лица только в случае, когда оно входит в общественные отношения, при которых лицо приобретает особое состояние, обуславливаемое его особой социальной ролью. Соответственно содержание специального правового статуса составляет специальная правосубъектность потребителя, выражающаяся в предоставлении ему специальных прав и обязанностей. Главным образом, такие права и обязанности находят свое отражение в

специальном законодательстве, в частности в ряде международных и национальных актов.

Предоставление специального правового статуса ребенку связано с тем, что ребенок нуждается в особой защите со стороны государства.

В связи с тем, что ребенок имеет специальный правовой статус, представляется необходимым дать общую характеристику именно данному виду правового статуса и выделить его элементы.

Говоря о таком элементе правового статуса, как права и обязанности – мало внимания уделяется юридическим обязанностям субъекта. Однако бесспорно, что как права, так и обязанности составляют основу характеристики правового статуса.

Можем выделить также «условные» элементы правового статуса ребенка. В частности, речь будет идти о его правосубъектности (правоспособности, дееспособности, деликтоспособности). Данные элементы тесно связаны с возрастом ребенка, поскольку им свойственно переменчивость (например, в одном возрасте ребенок имеет одни права, в более старшем возрасте перечень таких прав, а одновременно и ответственности, возрастает). Исключением будет правоспособность, поскольку она присуща каждому человеку от рождения.

Соответственно, реализация прав ребенка будет зависеть от указанных «условных» элементов правового статуса. При этом следует говорить не только о правах, но и об обязанностях, которые также будут расширяться в зависимости от взросления ребенка. В более младшем возрасте ребенок наделяется преимущественно личными неимущественными правами, а в более старшем приобретает возможность участвовать и в имущественных отношениях (в т.ч. заключать гражданско-правовые сделки). Более подробно данный аспект раскрывается в рамках положений гражданского законодательства.

Таким образом, на сегодняшний день в научной литературе не сложилось множество подходов в аспекте определения «института прав ребенка», большинство авторов раскрывают данный термин через призму правового статуса ребенка, что было сделано и автором настоящей статьи. Вместе с тем, это позволило сформулировать следующее авторское определение исследуемой дефиниции, а именно: институт прав ребенка – это совокупность правовых норм, институтов и механизмов, направленных на обеспечение и защиту прав и интересов ребенка как отдельной социально-правовой категории. Данный институт формируется посредством международных актов и национального законодательства, ставя целью создание условий для полноценного развития, защиты от нарушений и учёта специфических потребностей детей, учитывая их особый статус в обществе. В современной правовой системе институт

прав ребенка занимает важное место, являясь ключевым элементом системы защиты прав человека. Представляется, что указанное определение института прав ребенка могло бы найти свое правовое выражение в рамках ст. 1 Федерального закона от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [5], а также стать основой для последующих научных изысканий по данному вопросу.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.02.2026).
2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР, выпуск XLVI, 1993.
3. Федеральный конституционный закон от 06 ноября 2020 года № 4-ФКЗ (ред. от 28.12.2025) «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 45. – Ст. 7061.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
5. Федеральный закон от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ (ред. от 20.02.2026) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3802.
6. Борисова Н.Е. Историко-теоретические основы «детского» права / Н.Е. Борисова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Юридические науки». – 2014. – № 1 (13) 2014. – С. 14–24.
7. Камалетдинова А.Ф. Правовой статус ребенка в Российской Федерации // А.Ф. Камалетдинова // Матрица научного познания. – 2021. – № 9-2. – С. 77–80.
8. Козлова О.Н. Понятие института прав ребенка и его место в современной правовой системе / О.Н. Козлова // IX Юридические чтения: материалы Национальной научно-практической конференции. – Саранск, 2023. – С. 461–468.
9. Короткова О.А. Нормативно-правовое закрепление правового статуса ребенка в России и его охрана / О.А. Короткова, М.О. Воробьева, В.А. Букарина // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Юриспруденция. – 2024. – № 24. – С. 19–22.

10. Куракина Ю.В. Общая характеристика прав ребенка / Ю.В. Куракина // Проблемы реализации прав человека и гражданина в условиях современных социальных трансформаций: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского. – Москва, 2022. – С. 364–368.
11. Милкина Н.А. Место института защиты прав ребенка в системе международной защиты прав человека / Н.А. Милкина // Право и правосудие в современном мире: Сборник научных статей молодых исследователей Ежегодной всероссийской студенческой научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2025. – С. 603–609.
12. Мусабаев М.К. Сравнительно-правовой анализ регламентации правового статуса несовершеннолетних / М.К. Мусабаев, К.А. Сабитов // Вестник Тюринского университета. Юридическая серия. – 2022. – № 3. – С. 74–83.
13. Романская М. Правовой статус ребенка в гражданском и семейном праве / М. Романская // Право и политика: теоретические и практические проблемы: Сборник материалов. – Рязань, – 2018. – С. 117–120.
14. Семелькина П.Д. Конституционно-правовой статус ребенка в РФ / П.Д. Семелькина // Форум молодых ученых. – 2022. – № 10 (74). – С. 99–104.
15. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 т.] / [соч.] Владимира Даля. – 3-е изд., испр. и знач. доп., изд. под ред. [и с предисл.] проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 1-4. -Санкт-Петербург; Москва: т-во М.О. Вольф, 1903-1911. – URL: <https://www.prlib.ru/item/798123> (дата обращения: 27.02.2026).
16. Урюпина Н.А. Конституционно-правовой статус ребенка в Российской Федерации / Н.А. Урюпина // 61-я Научно-практическая конференция профессорско-преподавательского состава ТулГУ с всероссийским участием: Сборник докладов. В 2-х частях, Тульский государственный университет. – Тула, 2025. – С. 299–306.

3.3. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ

Дегтерев Михаил Сергеевич

студент, магистрант,

Сибирский институт управления РАНХиГС,

РФ, г. Новосибирск

Аннотация. В статье рассматриваются способы, позволяющие защитить объекты государственной и муниципальной собственности от неправомерного управления и связанных с этим последствий.

Ключевые слова: Государственная собственность, управление.

В современных условиях все острее стоит задача развития государства и увеличения его благосостояния. В данной ситуации большое значение приобретает государственная собственность как экономическая опора государства и важное средство его развития. Поэтому важным является вопрос об управлении государственной и муниципальной собственностью, так как только при эффективном руководстве данные объекты могут приносить максимальную пользу государству. Решение вопроса эффективности управления требует реализации научно обоснованных и методически проработанных мероприятий, соответствующих высоким стандартам качества. Ключевым критерием является достижение не только оперативных, но и стратегических результатов, обеспечивающих долгосрочное развитие системы управления [1, С. 47].

Государственная и муниципальная собственность является одним из важнейших элементов современной экономической системы. Эта собственность включает в себя широкую сеть объектов как хозяйственного, так и социально-бытового назначения, локализованную в рамках муниципального образования и являющуюся основой территориальной воспроизводственной системы. Взаимодействие с бизнес-структурами

на долгосрочной основе повышает эффективность использования государственной и муниципальной собственности.

Управление собственностью имеет свои особенности по сравнению с другими средствами управления. Это требует при поисках и анализе возможностей эффективного управления, наряду с традиционными управленческими подходами, обязательного учета и использования названной правовой компоненты объектов собственности – правового поля управления, которое определяется системой законодательных документов, регулирующих отношения собственности и возможные операции с ней со стороны субъектов собственности. Важнейшее место здесь занимает система правомочий и обязанностей собственника, а также права лиц в отношении собственности, когда они не являются собственниками.

Важным является разделение на защиту и охрану управления государственной собственностью. Охраной управления государственной собственности обычно служат предупредительные меры, которые направлены на установление общего режима, направленного на предотвращение нарушений в сфере государственной собственности. Защитой же государственной собственности является реакция государства и его органов на уже свершившееся деяние, которое представляет собой комплекс мер по восстановлению нарушенных прав государства. К защите прибегают в случае действия или его угрозы, а охраной является постоянная деятельность. При этом они обладают каждая своими методами, которые применяют в зависимости от обстоятельств. Для охраны характерны нормативно-правовые акты, устанавливающие правила владения, пользования и распоряжения имуществом, организационные мероприятия и контроль, использование технических средств. Для защиты же применяют иски об истребовании имущества из чужого незаконного владения (виндикация), устранении препятствий в пользовании (негаторный иск), уголовное преследование за хищение, растрату и наказание за незаконное присвоение имущества.

Для защиты управления государственной и муниципальной собственностью существуют определенные способы, которые позволяют восстановить нарушенные права. К ним можно отнести некоторые экономические способы, например, развитие принципа целевого подхода. Этот принцип предполагает не просто установление конкретных целей, а их глубокое проработанное и комплексное формирование, которое включает в себя не только экономические, но и социальные компоненты. Если рассматривать данный принцип с точки зрения экономики, то целевой подход предполагает не только стабильное развитие государственного сектора экономики, но и активное стремление к

максимальному увеличению доходов от управления государственным имуществом. Это включает в себя стратегическое планирование и реализацию мер, направленных на повышение инвестиционной привлекательности государственной собственности.

В соответствии с действующим законодательством основным субъектом управления обеспечения безопасности, а значит и защищенности права собственности, в том числе и для защиты управления, является государство, осуществляющее управленческие функции в этой области через законодательные, исполнительные и судебные органы. Каждое государство самым непосредственным образом заинтересовано в защищенности права собственности, создавая возможности по ограждению его от внешних и внутренних посягательств. Кроме того, государство имеет в своем распоряжении совокупно большие возможности по обеспечению защиты, чем отдельный собственник, что предполагает наличие соответствующей обязанности управления. Таким образом, именно государственное управление должно регулировать создание и совершенствование систем обеспечения и защиты права собственности от недобросовестного управления и всех связанных с этим последствий.

В данном случае под государственным управлением следует понимать деятельность уполномоченных органов государственной власти и соответствующих должностных лиц по практической реализации сформированного политического курса в обеспечении и защите права собственности с использованием надлежащих властных процедур.

С учетом вышесказанного можно выделить следующие направления защиты управления государственной собственностью. К ней можно отнести государственную политику в сфере защиты права управления государственной собственностью, которая должна быть направлена на эффективное использование средств и способов обеспечения законности и защиты прав участников общественных отношений собственности от такой угрозы. Важно создание и финансирование государственных программ преобразования и реформирования защиты общественных отношений по защите управления от ненадлежащих лиц.

Для государственной и муниципальной форм собственности существуют различные способы ее защиты. Например, несмотря на особенности муниципальной собственности, для ее защиты используются гражданско-правовые способы защиты права собственности, предусмотренные для защиты как частной, так и государственной собственности. Гражданско-правовая защита права собственности и иных вещных прав – совокупность гражданско-правовых способов, которые применяются к нарушителям отношений.

Среди гражданско-правовых способов защиты права собственности приоритетными выступают вещно-правовые, так как они защищают вещное право как абсолютное право, принадлежащее правообладателю, от посягательств на него третьих лиц и применяются при непосредственном нарушении права собственности.

Одним из способов управления государственной собственностью является заключение концессионных соглашений, в результате которых имущество государственного либо муниципального значения передается частному инвестору для его реконструкции и дальнейшей эксплуатации. Данная модель рассматривается как способ инвестирования в экономику государства средств частного бизнеса.

В общемировой практике этот способ является достаточно распространённым. В России условия для применения этого способа возникли с 1991 года, с переходом к рыночной экономике. Однако механизмы регулирования в то время были фрагментарными и не имели явной законодательной базы. Лишь в 2005 году вопросы коммерческой концессии были законодательно разработаны, и 21 июля 2005 г. вышел закон № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» [2, С. 1]. Согласно закону концедентом может выступать государство, субъект РФ или муниципальное образование. Они могут участвовать в концессионных правоотношениях посредством уполномоченных органов государственной власти и местного самоуправления. Концессионером выступает индивидуальный предприниматель, российское или иностранное юридическое лицо, действующие по договору простого товарищества два и более юридических лица. Защита управления государственной собственностью в концессионном соглашении включает в себя ряд мер, направленных на обеспечение баланса интересов сторон и соблюдение условий соглашения.

В заключение можно сказать, что для обеспечения охраны и защиты в управлении государственной и муниципальной собственностью существуют определенные способы, которые позволяют восстановить нарушенные права. Для защиты управления применяют иски об истребовании имущества из чужого незаконного владения (виндикация), устранении препятствий в пользовании (негаторный иск), уголовное преследование за хищение, растрату и наказание за незаконное присвоение имущества.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием от 12 декабря 1993 г. (ред. от 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.02.2026).

2. Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О концессионных соглашениях» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Рос. газ. – № 161. – 2005.
3. Васильева В.М. Зарубежный опыт управления государственной собственностью и возможности его адаптации в России // Вопросы государственного и муниципального управления – 2022. – № 1. – С. 45-68.

3.4. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОПТИМИЗАЦИИ ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ КАК УСЛОВИЯ РОСТА УРОВНЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Егоров Валентин Владиславович

аспирант

Университета «Синергия»,

РФ, г. Москва

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления оптимизации правового просвещения как важного условия повышения уровня правовой культуры российского общества. Автором анализируются проблемные аспекты современной государственной политики в сфере правового воспитания, включая разрозненность подходов, низкий уровень правовой информированности населения и деформации правосознания молодежи. На основе анализа научных статей российских исследователей предлагаются конкретные меры по совершенствованию правового просвещения: усиление роли органов местного самоуправления и правоохранительных структур, адаптация образовательных программ, использование цифровых технологий и повышение квалификации педагогических кадров.

Ключевые слова: правовое просвещение, правовая культура, правовой нигилизм, правовая социализация, цифровизация права, правовое воспитание молодежи, государственная правовая политика.

В настоящее время российская правовая система сталкивается с острым противоречием: институциональные основы правового государства уже созданы, но фактический уровень правовой культуры населения отстает от них. По справедливому замечанию К.В. Агамирова, России в современных условиях необходима отлаженная система правового воспитания и обучения всех слоев населения, а также взвешенная и продуманная правовая политика, способная влиять на становление правосознания [1, с. 326]. Однако, хотя такие программные документы,

как «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан», были приняты, эффективность правопросветительской деятельности все еще оценивается как недостаточная [2]. Правовой нигилизм, низкий уровень доверия к правоохранительным органам и деформация ценностных ориентиров, особенно в молодежной среде, требуют безотлагательной оптимизации всей системы правового просвещения. Как указывает К.В. Агамиров, падение уровня правовой культуры обусловлено тремя группами причин. Во-первых, это трансформации в сфере массового сознания населения, которое подвергается интенсивным информационным атакам. Во-вторых, это исторические условия развития российского государства. В-третьих, это укоренившееся недоверие общества к судебной и правоохранительной системам [1, с. 328]. В этих условиях в рамках настоящей статьи предпринята попытка выявить и обосновать ключевые направления оптимизации, реализация которых способна обеспечить устойчивый рост уровня правовой культуры российского общества.

Наиболее серьезную тревогу вызывает состояние правовой культуры студенчества – социальной группы, составляющей интеллектуальный и духовный потенциал будущего общества. П.С. Самыгин, С.И. Самыгин и М.Ю. Попов, проанализировав эмпирические материалы, собранные Центром социологических исследований при Министерстве образования и науки РФ и Институтом социологии РАН, констатируют следующее. Установка на строгое законопослушание свойственна лишь незначительной доле молодых россиян, не превышающей двадцати процентов опрошенных. В то же время половина молодежи заявляет о готовности соблюдать закон исключительно при условии, что аналогичное поведение будет демонстрироваться представителями власти [3, с. 106]. Характерно, что отношение к закону у различных молодежных групп практически не зависит от их правовой компетентности и глубины юридических знаний. Данный факт однозначно свидетельствует о существовании разрыва между когнитивным и ценностно-поведенческим компонентами правосознания, а также о необходимости усиления работы по правовому воспитанию, направленной на формирование позитивного отношения к закону [3, с. 106]. Этот разрыв – прямое следствие недостаточной эффективности действующей системы правового просвещения. Исследователи обращают внимание на то, что в учебных заведениях разного уровня она нацелена главным образом на передачу обучающимся правовых знаний, в то время как эмоционально-ценностная и деятельностно-практическая составляющие практически не затрагиваются учебным процессом [3, с. 106].

Анализ научной литературы позволяет констатировать, что кризисные явления в правовой культуре современной России носят не только содержательный, но и институциональный системный характер. А.А. Минаева указывает на недостаточную разработанность понятийного аппарата, применяемого при определении векторов государственной политики в сфере правового воспитания. Она отмечает, что нередко смешиваются такие категории, как правовое просвещение, информирование в сфере права, юридическое обучение и правовое образование, следствием чего становится дублирование функций и падение результативности всего воспитательного процесса в правовой области. [4, с. 54]. Отсутствие единой целостной системы правового непрерывного воспитания, о чем пишут Э.И. Атагимова и Г.И. Макаренко, приводит к тому, что мероприятия носят эпизодический и часто отчетно-показательный характер, а в стране отсутствует единая система воспитания гражданина правового государства, несмотря на имеющийся положительный опыт внедрения региональных программ, таких как «Петербургская модель гражданско-правового образования» [5, с. 66]. М.Ю. Крутиков, анализируя реализацию «Основ государственной политики», отмечает, что программные акты в развитие этого документа были приняты лишь на уровне отдельных регионов, в частности Московской области и Санкт-Петербурга, тогда как справочно-правовая система не содержит сведений о нормативно-правовых актах, принятых на федеральном уровне, что свидетельствует о том, что реализация положений Основ в России не носит системный и единообразный характер [6, с. 4].

Первым и важнейшим направлением оптимизации правового просвещения является совершенствование его институциональной основы. Э.И. Атагимова и Г.И. Макаренко обоснованно предлагают принять единую Концепцию правового просвещения в Российской Федерации, оформив ее в виде дорожной карты. Данный документ должен предусматривать целостную систему правового просвещения и воспитания гражданина России, а также закреплять функции каждого субъекта этой деятельности, включая не только государственные органы, но и общественные объединения, политические партии, профсоюзы и правозащитные организации [5, с. 67]. С целью преодоления разрозненности подходов к правовому просвещению в разных регионах страны такая Концепция должна быть обязательной для исполнения на всех уровнях публичной власти.

Следующим ключевым направлением оптимизации является совершенствование правового просвещения в образовательной среде, поскольку система образования выступает главным институтом контролируемой правовой социализации. Реформирование в этой сфере требует комплексного подхода, включающего изменение содержания

образовательных программ и повышение квалификации педагогических кадров. П.С. Самыгин, С.И. Самыгин и М.Ю. Попов высказывают предложение закрепить в требованиях к периодической переподготовке профессорско-преподавательского состава юридического профиля обязательное условие о ежегодном прохождении стажировки в структурах правоохранительных органов. Реализация этой меры, по их убеждению, позволит сократить разрыв, который существует между теоретическими знаниями и практической деятельностью по применению права [3, с. 108]. Одновременно с этим авторы подчеркивают важность систематического привлечения к учебному процессу сотрудников правоохранительных органов, находящихся на действительной службе. Их участие в проведении занятий будет содействовать не только более успешному пониманию и освоению правовых знаний учащимися, но и росту авторитета судебной системы, полиции и прокуратуры в глазах молодежи [6, с. 9].

В условиях цифровизации всех сфер общественной жизни правовое просвещение не может игнорировать современные технологические возможности. А.А. Сироткин вводит в научный оборот понятие «цифровая правовая культура», под которой предлагает понимать комплексную систему материально-духовных ценностей, отражающую определенную степень цифровизации общества и выражающуюся в цифровом правовом сознании индивидов [7, с. 122]. Автор подчеркивает, что цифровизация имеет дуальную структуру, обладая как разрушительными, так и созидательными направлениями: она может как обогащать правовую культуру, так и унифицировать её в ущерб сохранению традиций и отражению идентичности, а главным риском развития цивилизации эксперты называют повышение значимости и расчеловечивание юридического и гуманитарного знания [7, с. 120]. Л.В. Магдилова и С.Н. Агелова акцентируют внимание на том, что именно правовое просвещение и правовое информирование населения должны стать основой повышения правосознания и правовой культуры, а информационные технологии играют в этом процессе ключевую роль, поскольку правовая информатизация России содействует повышению уровня правовой информированности общества путем всестороннего обеспечения граждан полной и достоверной информацией о действующих законодательных актах [8, с. 153]. Однако, как справедливо замечает Крутиков, интернет как средство правового информирования эффективен лишь для лиц, имеющих навыки работы в Сети и специальную юридическую подготовку, тогда как большинство людей, особенно сельское население, не имеет достаточных возможностей для использования ресурсов Интернета [6, с. 8]. В связи с этим оптимизация требует обеспечения доступа

населения к электронным информационно-правовым ресурсам через органы местного самоуправления, введения в образовательных учреждениях курсов по обучению навыкам получения электронно-правовой информации, а также повышения качества публикуемых в средствах массовой информации и транслируемых по телевидению материалов путем привлечения к их подготовке узких специалистов в области правоприменения [6, с. 8]. Сироткин также подчеркивает необходимость формирования у граждан понимания ценности персональных данных и осознанного отношения к пользовательским соглашениям, приводя данные социологических исследований, согласно которым 92 процента респондентов не изучают пользовательские соглашения, не считая их полноценными регуляторами общественных отношений, что является частью современной правовой культуры в цифровом мире [7, с. 121].

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что оптимизация правового просвещения как условия роста уровня правовой культуры российского общества должна идти по нескольким взаимосвязанным направлениям. Требуется создание единой, законодательно закрепленной концепции непрерывного правового воспитания, охватывающей все уровни от семьи до высшей школы и закрепляющей роль каждого субъекта правового просвещения. Необходимо реформирование образовательных программ с акцентом не на механическое запоминание норм, а на формирование уважения к праву и навыков правомерного поведения, что предполагает серьезную переподготовку педагогических кадров и обязательные стажировки преподавателей в правоохранительных органах. Критически важно задействовать потенциал цифровых технологий, обеспечивая при этом доступность и понятность правовой информации для всех слоев населения через институты местного самоуправления и повышение качества правового контента в средствах массовой информации. Без скоординированной работы государства, институтов гражданского общества и образовательных учреждений по этим направлениям преодоление правового нигилизма, формирование уважительного отношения к закону и построение правового государства в России останутся декларативными целями, не подкрепленными реальной правопросветительской деятельностью.

Список литературы:

1. Агамиров К.В. Правовая культура современной России: актуальные вопросы теории и практики // Образование и право. 2022. № 7. С. 326-329.
2. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан : утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168 // Российская газета. 2011. 14 июля.

3. Самыгин П.С., Самыгин С.И., Попов М.Ю. Правовое просвещение и формирование правовой культуры современной российской студенческой молодежи // Общество и право. 2019. № 3. С. 105-109.
4. Минина А.А. Направления государственной политики в области правового воспитания // Общество и право. 2012. № 3 (40). С. 53-55.
5. Атагимова Э.И., Макаренко Г.И. Правовое просвещение: проблемы и пути решения // Мониторинг правоприменения. 2015. № 1 (14). С. 65-68.
6. Крутиков М.Ю. Направления оптимизации процесса правовой социализации в современной России // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. № 2-2. С. 3-10.
7. Сироткин А.А. К вопросу о влиянии цифровизации на состояние правовой культуры российского общества // Евразийская адвокатура. 2023. № 2 (61). С. 119-123.
8. Магдилова Л.В., Агелова С.Н. Информационно-коммуникационные технологии в правовом просвещении и правовой информированности граждан // Закон и право. 2021. № 2. С. 153-154.

3.5. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНОИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Голубоярова Кристина Анатольевна

*магистрант,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского»,
РФ, г. Саратов*

Вестов Федор Александрович

*научный руководитель, п
роф., канд. юрид. наук, доц.,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского»,
РФ, г. Саратов*

THE CRIMINAL POLICY OF THE STATE IN THE FIGHT AGAINST JUVENILE DELINQUENCY

Goluboyarova Kristina Anatolyevna

*Master's student,
Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education "Saratov
National Research State University named
after N.G. Chernyshevsky",
Russia, Saratov*

Vestov Fedor Aleksandrovich

*Academic Supervisor, Professor,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education
"Saratov National Research State
University named after N.G. Chernyshevsky",
Russia, Saratov*

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты предупреждения преступности несовершеннолетних в России. Анализируются различные подходы к определению понятия "предупреждение преступности", выделяются объекты и субъекты предупредительной деятельности. Рассмотрены меры общего (общесоциального) и специального предупреждения преступности несовершеннолетних, включая раннюю профилактику, профилактику рецидива и индивидуальное предупреждение. Особое внимание уделено роли государственных органов, в том числе органов прокуратуры, общественных организаций и семьи в обеспечении прав и законных интересов несовершеннолетних. В заключение сформулированы выводы о действующей системе предупреждения преступности несовершеннолетних и необходимости комплексного подхода к решению данной проблемы.

Abstract. The article discusses the theoretical and practical aspects of juvenile delinquency prevention in Russia. Various approaches to the definition of the concept of "crime prevention" are analyzed, objects and subjects of preventive activity are identified. The measures of general (general social) and special prevention of juvenile delinquency, including early prevention, recidivism prevention and individual prevention, are considered. Special attention is paid to the role of government agencies, including the Prosecutor's Office, public organizations and the family in ensuring the rights and legitimate interests of minors. In conclusion, the conclusions about the current juvenile delinquency prevention system and the need for an integrated approach to solving this problem are formulated.

Ключевые слова: уголовная политика, несовершеннолетние, предупреждение преступности, государственная политика.

Keywords: criminal policy, minors, crime prevention, public policy.

На современном этапе становления правового, социального государства России, в котором важнейшее значение имеет обеспечение прав и свобод граждан страны [2]. Особое внимание уделено подрастающему

поколению – несовершеннолетним, нашедшее отражение в реализации уголовной политики по профилактике правонарушений, предупреждению преступлений среди несовершеннолетних, направленной прежде всего на применении мер воспитательного воздействия с привлечением институтов гражданского общества [3], а также принудительных мер воспитательного воздействия по решению суда с освобождением от уголовной ответственности, вплоть до направления в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа. В литературе отмечается, что «Негативные тенденции, проявляющиеся в подростковой и молодежной среде (алкоголизм, употребление наркотиков, насилие, ксенофобия), свидетельствуют о необходимости усиления участия учреждения и всех общественных институтов в решении задач воспитания, формирования социальных компетенций и гражданских установок.» [16, с. 93].

Как известно, уголовная политика представляет собой систему взглядов, идей, направлений организации борьбы с преступностью. Она включает в себя две важные, связанные между собой составляющие: политику предупреждения преступлений и политику реагирования на уже совершенные преступления.

В справочной литературе «предупредить» означает «своевременно принятыми мерами, действиями предотвратить»; «заранее известить, предварительно осведомить»; «опередить кого-что-нибудь в каком-нибудь действии, поступке» [11]. Основу предупреждения преступности несовершеннолетних, как одной из целей уголовной политики государства, составляют наиболее общие принципы предупреждения преступности в целом.

Как отмечает А.И. Долгова, предупреждение преступности есть «целенаправленное воздействие государства, общества, физических и юридических лиц на процессы детерминации и причинности преступности в целях недопущения вовлечения в преступность новых лиц, совершения новых криминальных деяний, расширения криминализации общественных отношений» [8, с. 435].

Говоря о преступности, как о сложном социальном явлении, стоит отметить, что такая разновидность преступности, как преступность среди несовершеннолетних, всегда вызывает у ученых повышенное внимание. И это вполне обоснованно, поскольку молодое поколение является естественным резервом социального развития, а нарушения уголовного закона лицами юного возраста, их распространенность не только свидетельствуют о существующих недостатках воспитания, условий для включения молодежи в жизнедеятельность общества, но и в значительной мере выступают в качестве прогностической характеристики преступности в целом [6, с. 54].

Обращаясь к проблеме преступности несовершеннолетних, следует исходить из того, что она представляет собой часть преступности в обществе, которая развивается под воздействием тех же факторов, что и преступность в целом. В силу этого при изучении преступности лиц в возрасте от 14 до 18 лет используются общекриминологические характеристики, показатели, а также иные категории. В то же время анализ должен быть направлен на выявление факторов и обстоятельств, значимых в частности для преступности несовершеннолетних, позволяющих установить ее специфику и необходимые меры воздействия.

Предупредительная деятельность преступности в целом обладает определенной структурой, где выделяются объект и субъект воздействия, а также средства такого воздействия. Это в равной степени относится так же к преступности несовершеннолетних. По мнению А.И. Долговой, объектом предупредительного воздействия выступают «внешние для преступности обстоятельства; процессы, происходящие в самой преступности; процессы взаимодействия преступности и официального общества» [8, с. 438]. По мнению других авторов, объектами предупреждения преступности являются: «причины и условия преступности, а также ее отдельных видов; причины и условия конкретных преступлений; лица, совершившие преступления; лица, которые в силу своей антиобщественной ориентации личности способны совершить преступление» [9]. В наиболее же общем виде объектами предупреждения преступности являются процессы и явления, на которые оказывается предупредительное воздействие: криминогенные факторы, причины и условия преступности (как общие, так и отдельных ее видов, в том числе преступности несовершеннолетних), лица, ведущие антиобщественный образ жизни, иные внешние обстоятельства. Наряду с этим, важное значение имеет совершенствование действующего законодательства для борьбы с уже существующей преступностью несовершеннолетних, а также непосредственно применение данного законодательства к лицам, совершившим преступления.

Субъектами общего предупреждения преступности несовершеннолетних являются все государственные и негосударственные структуры общества [10, с. 43]. Первые – это различные органы и должностные лица органов власти, осуществляющие законодательные или контрольно-надзорные функции. В частности, речь идет об уполномоченном по правам детей, органах опеки и попечительства, органах социальной защиты населения, комиссиях по делам несовершеннолетних, учреждениях культуры и туризма. К государственным органам, уполномоченным обеспечивать права и интересы несовершеннолетних в рамках общего предупреждения, следует относить и органы прокуратуры.

В свою очередь неспециализированными, негосударственными являются все иные организации, юридические и физические лица, средства массовой информации, семья несовершеннолетнего, учебное заведение, досуговые объединения, рабочий коллектив и т.п. Взаимодействие и сотрудничество между этими субъектами, формирование координирующих структур, например комиссий по делам несовершеннолетних, помогает создать эффективные программы и стратегии для предотвращения преступности и социализации несовершеннолетних [1, с. 68].

Если говорить о специализированном, государственном предупреждении преступности, важную роль также играет деятельность законодательных органов, направленная на совершенствование системы права. Одним из дискуссионных вопросов уголовной политики на данный момент является возможность снижения возраста наступления уголовной ответственности. Отдельные учёные считают, что возрастной порог следует снизить до 12 лет. Они полагают, что в этом возрасте подростки уже осознают общественную опасность и противоправность своего деяния, исходя из их психологического развития в современных условиях [5, с. 37]. Вместе с тем, исследователи приводят и другие обоснования снижения возраста наступления уголовной ответственности, которые выходят за рамки физиологического, психологического и социального созревания молодых людей. Эти обоснования часто отражают криминологическую ситуацию в России, в частности, тенденцию к росту преступного поведения среди лиц в возрасте 12–13 лет, считающих возможным совершение преступления безнаказанно, ввиду недостижения возраста наступления уголовной ответственности. Однако, большинство исследователей все же сходятся во мнении, что в возрасте 12 лет еще отсутствует полностью развитое абстрактное мышление, что ограничивает способность несовершеннолетнего «осознавать природу своих действий, их социальную опасность и вредоносность, а также взаимосвязь своего поведения с внешним миром» [4, с. 21].

Помимо этого, предупреждение преступности, как одна из составляющих уголовной политики, может быть разделено на общесоциальное и специальное (индивидуальное).

Общее (общесоциальное) предупреждение преступности несовершеннолетних включают в себя меры по устранению негативных социальных явлений: борьба с безработицей, стабилизация экономики, профилактика беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних, повышение уровня социального обслуживания семей, а также иные меры, направленные на обеспечение защиты прав и законных интересов детей и подростков.

Меры общего (общесоциального) предупреждения преступности несовершеннолетнего предусмотрены в различных законах и подзаконных актах, например, в Федеральном законе «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [12], в Федеральном законе «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [13], в Федеральном законе «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [14] и др.

Индивидуальное или специальное предупреждение преступности несовершеннолетнего предполагает работу с конкретным человеком и его окружением. В рамках данной разновидности предупреждения реализуются такие средства воздействия, как метод убеждения, метод оказания помощи, метод принуждения [8, с. 462-467]. В рамках данного вида предупредительного воздействия выделяются меры ранней профилактики, а также непосредственной или «вторичной» профилактики рецидива. В числе конкретных мероприятий и мер специальной правовой политики могут быть названы: совершенствование законодательства и практики его применения в части предупреждения и пресечения преступных посягательств, возложение конкретных мер уголовно-правового характера на подростков, совершивших преступление, реализация мер уголовно-правового, процессуального, уголовно-исполнительного и административного воздействия на лиц, совершивших или готовых совершить преступление, и с иными факторами, оказывающими влияние на состояние, структуру и динамику преступности несовершеннолетних.

Стратегической целью данного направления уголовной политики является социальное и нравственное оздоровление подрастающего поколения, а равно снижение количества совершаемых преступлений несовершеннолетними.

Для достижения указанной цели необходимо последовательно решать такие задачи, как: обеспечение и защита прав и законных интересов несовершеннолетних, устранение негативных социальных явлений, способствующих отрицательному воздействию на личность несовершеннолетнего; защита общества от правонарушающего поведения несовершеннолетних; социальная адаптация несовершеннолетних лиц, склонных к антисоциальному или противоправному поведению.

Относительно несовершеннолетних в Конвенции о правах ребенка в частности говорится, что «государства – участники принимают все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительские меры с целью защиты ребенка от всех форм физического или психического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или

эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление, со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке ...» [7].

Все вышеперечисленные меры позволяют сокращать преступность несовершеннолетних, выросших в тяжелых условиях, причем существенную роль играет государственная семейная политика. Среди ее принципов на сегодняшний день можно выделить следующие: нацеленность на благоприятные условия для жизни и развития несовершеннолетних, партнерство семьи и государства, разделение ответственности за семью, принятие государством на себя обязательств по безусловной защите семьи от лишений, связанных с вынужденной миграцией, чрезвычайными ситуациями техногенного характера, войнами и вооруженными конфликтами и т. д. [15, с. 383-386]. Поскольку именно неблагоприятная семейная среда может оказать значительное влияние на формирование личности и поведения человека, включая вероятность вовлечения в преступную деятельность, государство также предоставляет программы социальной поддержки семьям с такими затруднениями, как финансовые проблемы или насилие в семье. Такие меры помогают создавать стабильное и безопасное окружение для несовершеннолетних, что позволяет сократить вероятность совершения преступлений.

Помимо этого, уголовная политика по борьбе с преступностью несовершеннолетних включает в себя меры непосредственного предупреждения, направленные на воспитательное и перевоспитательное воздействие несовершеннолетних, поведение которых уже характеризуется как антисоциальное, и в отношении которых уже существует угроза совершения преступления в будущем. Данные меры включают в себя устранение тех факторов, которые привели к нарушению несовершеннолетним моральных и правовых норм, а также пресечение действий тех лиц, которые отрицательно воздействовали на несовершеннолетнего.

Существуют также меры профилактики рецидива преступлений несовершеннолетних, направленные на перевоспитание несовершеннолетнего, оказание социальной помощи молодым людям, совершившим преступление, освобожденным из воспитательных колоний либо осужденным к мерам наказания, не связанным с изоляцией от общества. Данные меры реализуются в деятельности органов полиции и системы исполнения наказаний, следователей, прокуроров, судей.

Стоит отметить не менее важный элемент уголовной политики в отношении несовершеннолетних – политику реагирования на преступления, связанную с поиском, разработкой и последовательной реализацией наиболее рациональных и эффективных мер реагирования

государства на каждый факт совершения преступления. Иными словами, сущностью этого направления уголовно-правовой политики выступает применение к виновному лицу наказания в целях исправления нарушителя и предупреждения новых преступлений.

Таким образом, под преступностью несовершеннолетних следует понимать социально-правовое, негативное, общественно опасное, исторически обусловленное, устойчивое явление, представляющее собой систему преступлений, совершенных лицами, не достигшими совершеннолетия (восемнадцати лет), на определенной территории, а также за определенный период времени. Данное явление обладает повышенной общественной опасностью, так как именно несовершеннолетние лица являются основным резервом пополнения рядов взрослой, а также рецидивной преступности.

Обратим внимание на то, что на современном этапе реализации уголовной политики России, всё большее внимание уделяется профилактическим мерам, однако привлечение к уголовной ответственности остаётся основным направлением в борьбе с преступностью среди несовершеннолетних.

Список литературы:

1. Вестов Ф.А., Арутюнян А.К. Политика правового государства в борьбе с преступностью несовершеннолетних // Базис. 2024. № 1(15). С. 67-72. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-pravovogo-gosudarstva-v-borbe-s-prestupnostyu-nesovershennoletnih/viewer> (дата обращения: 22.12.2025).
2. Вестов Ф.А. Местные органы самоуправления как субъект профилактики правонарушений. Базис. 2020. № 1 (7). С. 17-21.
3. Вестов Ф.А., Фаст О.Ф. Правовое государство: теоретическое проектирование и современная политическая практика: монография / под ред. Н.И.Шестова. – Москва: Проспект, 2015. – 256 с.
4. Головнев К.К. О некоторых особенностях назначения наказания несовершеннолетним // Судья. 2014. № 6. С. 19-23.
5. Гуськова В.Э., Вестов Ф.А. Уголовная политика в противодействии преступности несовершеннолетних // Базис. 2025. № 2(18). С. 36-41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-politika-v-protivodeystvii-prestupnosti-nesovershennoletnih/viewer> (дата обращения 21.12.2025).
6. Демидова-Петрова Е.В. О преступности несовершеннолетних и ее особенностях // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. №. 4. С. 52-57. URL: <https://vestnikkui.ru/ru/nauka/article/65132/view> (дата обращения: 05.01.2026).

7. Конвенция о правах ребенка: Резолюция 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г.; Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних. (Пекинские правила); Резолюция 44/ 33 Генеральной Ассамблеи ООН 29 ноября 1985 г.; Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы): Резолюция 45/112 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990г.; Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила). Резолюция 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г.
8. Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. д. ю. н., проф. А.И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2005.
9. Объекты и субъекты предупреждения преступности // Studme. URL: https://studme.org/330238/pravo/obekty_subekty_preduprezhdeniya_prestupnosti (дата обращения: 22.12.2025).
10. Преступность несовершеннолетних: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / под ред. А.В. Ростокинского. М.: Изд-во Юрайт; М.: Изд-во ГАОУ ВО МГПУ.
11. Толковый словарь Ушакова // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/968434> (дата обращения: 22.12.2025).
12. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Российская газета. 1999. 30 июня.
13. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Российская газета. 1998. 05 авг.
14. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // Российская газета. 2006. 21 дек.
15. Ювенология и ювенальная политика в XXI веке. Опыт комплексного междисциплинарного исследования / Под ред. Е.Г. Слуцкого. – СПб., 2004.
16. Яковенко Ю.В., Вестов Ф.А. Значимость специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа в профилактике преступлений среди несовершеннолетних. В сборнике: **СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИКИ И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ**. Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции. Саратов, 2020. С. 88-95.

3.6. ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО; БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

АДАПТАЦИЯ ИНИЦИАТИВ «PILLAR» В РОССИЙСКОМ ПЕРИМЕТРЕ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Чикирка Екатерина Владимировна

*аспирант юридического факультета,
Российского государственного университета
нефти и газа (Национального
исследовательского университета)
имени И.М. Губкина,
РФ, г. Москва*

ADAPTATION OF THE PILLAR INITIATIVES IN RUSSIA: LEGAL REGULATION

Chikirka Ekaterina Vladimirovna

*Postgraduate student
at the Faculty of Law,
Gubkin Russian State University
of Oil and Gas (National Research University),
Russia, Moscow*

Аннотация. В статье рассматриваются международные стандарты по противодействию размыванию налоговой базы и выводу прибыли, с акцентом на компонент, направленный на введение минимального налога на уровне 15% для многонациональных групп. Также анализируется российский законопроект о налогообложении прибыли иностранных компаний, предлагающий аналогичные меры для борьбы с уклонением от налогообложения в низконалоговых юрисдикциях.

Abstract. The article examines the international standards for preventing base erosion and profit shifting, with a focus on introducing a minimum tax rate of 15% for multinational groups. It also analyzes the Russian draft law on the taxation of foreign companies' profits, which proposes similar measures to combat tax avoidance in low-tax jurisdictions.

Ключевые слова: правовое регулирование, Pillar, налог на прибыль, международная группа компаний, налогообложение, инициатива, противодействие уклонению;

Keywords: legal regulation, Pillar, income tax, international group of companies, taxation, initiative, countering avoidance;

В течение последних десятилетий использование различных механизмов международного налогового планирования становилось предметом всё более пристального внимания и вызывало возрастающую озабоченность со стороны налоговых и надзорных органов. На сегодняшний день международное налогообложение не соответствует реалиям цифровой экономики, вследствие чего национальные бюджеты несут существенные налоговые потери.

В целях противодействия тенденциям, направленным на минимизацию налоговой нагрузки, Организация экономического сотрудничества и развития (далее – «ОЭСР») разработала комплексный план мер, так называемых стандартов, ориентированный на обеспечение правомерного и планируемого налогообложения в юрисдикциях, где генерируется прибыль. Данный план получил название «BEPS» (Base Erosion and Profit Shifting) [2] – то есть план действий по противодействию размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения.

В июле 2013 года ОЭСР опубликовала указанный план действий, в рамках которого были сформулированы 15 ключевых мероприятий, направленных на борьбу с уклонением от налогообложения и агрессивным налоговым планированием (далее – «Pillar 1»).

В октябре 2021 года более 135 юрисдикций присоединились к плану ОЭСР по обновлению ключевых элементов международной налоговой системы, которая в условиях глобализированной и цифровизированной экономики более не отвечает своему назначению. Указанный план состоит из пятнадцати компонентов – стандартов или глобальных правил по противодействию размыванию налоговой базы (далее – «Global Anti-Base Erosion Rules», «GloBE»), направленных на обеспечение уплаты крупными многонациональными предприятиями минимального уровня налога с доходов, получаемых в каждой из юрисдикций, в которых они осуществляют деятельность (далее – «Pillar 2»).

«Pillar 2» действует в большинстве стран Европы, Вьетнаме, Малайзии, Южной Корее, Японии (первый налоговый период – 2024 год, подача первой отчетности – в 2026 году). Также, разрабатывается для принятия в 2024 году в ОАЭ, Гонконге, Сингапуре и других странах (первый налоговый период – 2025 год, а отчетный – 2026 год).[3]

В настоящей статье будет рассмотрен стандарт «Pillar 2», предусматривающий введение минимального налога у источника в каждой юрисдикции, присоединившейся к плану GloBE.

Так, согласно стандарту GloBE в каждой из юрисдикций – участников должен быть введен квалифицированный внутренний минимальный дополнительный налог с целью обеспечения налогообложения прибыли крупных многонациональных групп по минимальной эффективной ставке в размере 15 % на уровне соответствующей юрисдикции. Однако, применяется указанный налог только в случае, если прибыль международной группы компании превышает 750 млн евро за один отчетный год [4, С.8].

Таким образом, необходимо отметить, что Pillar 1 и Pillar 2 представляют собой две взаимосвязанные составляющие большого плана действий, направленных на борьбу с уклонением от налогов, вызванных цифровизацией экономики и глобализацией бизнеса.

В частности, Pillar 1 фокусируется на перераспределении налоговых полномочий между государствами, обеспечивая более справедливое налогообложение прибыли международных групп компаний, которые ведут деятельность в странах, где у них нет физического присутствия (филиала, представительства, дочерних обществ). Таким образом, Pillar 1 направлено на устранение возможностей налоговой оптимизации с использованием низконалоговых юрисдикций и избегания налогообложения в странах, где компании не осуществляют активной деятельности.

Pillar 2, в свою очередь, вводит минимальный налог, который все страны должны взимать с международных групп компаний и обеспечивает минимальный уровень налогообложения, во избежание перемещения прибыли в низконалоговой юрисдикции и дисбаланса в международной налоговой системе.

Российская Федерация не является участником ОЭСР и не внедряла указанные стандарты. При этом, 29 сентября 2025 года Минфином РФ был внесен Законопроект № 1026190-8 [1] (далее – «Законопроект»), направленный на введение российского налога на прибыль до 15%, если эффективная ставка ниже. Условия такого положения схожи со стандартом «Pillar 2».

Законопроект был рассмотрен в трех чтениях Совета Государственной Думы, в заседании Совета Федерации, а также прошел одобрение Президента Российской Федерации и 1 декабря 2025 года был опубликован Федеральный закон от 28.11.2025 № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и

признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации» [1].

Согласно статье 9 указанного ФЗ-425 с 1 января 2026 года прибыль иностранной компании освобождается на уровне контролирующего лица в РФ только в случае, если страна регистрации такой компании не включена в список «офшорных юрисдикций», утвержденный Минфином России [6], а также если ставка налога на прибыль в такой юрисдикции не ниже 15%.

Таким образом, назвать указанную инициативу аналогом стандарта «Pillar 2» нельзя, поскольку применение такого налога не привязано к выручке всей международной группы компаний. Однако, введенная инициатива позволит усилить борьбу с уклонением от налогообложения путем учреждения дочерних компаний в низконалоговых юрисдикциях.

Несмотря на то, что Россия фактически не внедряет принципы ОЭСР, современное российское налоговое законодательство предусматривает ряд иных мер, направленных на борьбу с уклонением от налогов, схожих с планом BEPS. Например, помимо минимального налога на прибыль, в России введены стандарты подготовки международной отчетности по трансфертному ценообразованию, концепция бенефициарного собственника при определении субъекта налогообложения прибыли, а также определение перечня юрисдикций, предоставляющих льготное налогообложение и представляющих собой потенциальное налоговое убежище.

Список литературы:

1. Законопроект №1026190-8 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации» // №1026190-8 Законопроект:: Система обеспечения законодательной деятельности
2. « Global Anti-Base Erosion Model Rules (Pillar Two)» // URL: Global Anti-Base Erosion Model Rules (Pillar Two) | OECD (дата обращения: 11.01.2026)
3. OECD Agenda for Transformative Science, Technology and Innovation Policies // URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-agenda-for-transformative-science-technology-and-innovation-policies_ba2aaf7b-en.html (дата обращения: 11.01.2026)

4. Модельная конвенция ОЭСР от 2021 г. «Tax Challenges Arising from the Digitalization of the Economy – Global Anti-Base Erosion Model Rules (Pillar Two)» // URL: Tax Challenges Arising from Digitalisation of the Economy – Global Anti-Base Erosion Model Rules (Pillar Two) | OECD (дата обращения: 11.01.2026)
5. Федеральный закон от 28.11.2025 № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 01.12.2025, N 48 (Часть I), ст. 7236
6. Приказ Минфина России от 05.06.2023 N 86н (ред. от 22.12.2025) «Об утверждении Перечня государств и территорий, предоставляющих льготный налоговый режим налогообложения и (или) не предусматривающих раскрытия и предоставления информации при проведении финансовых операций (офшорные зоны)» (Зарегистрировано в Минюсте России 15.06.2023 N 73846)

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ**

*Сборник статей по материалам XXI международной
научно-практической конференции*

№ 4 (111)
Апрель 2026 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 09.04.26. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 5,88. Тираж 550 экз.

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, ул. Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74
E-mail: socialconf@nauchforum.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 1

16+

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru